
ИДЕИ И ПРАКТИКА: ИМПЕРСКОСТЬ КАК ПОНЯТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА

А.Ф. ФИЛИППОВ

НАБЛЮДАТЕЛЬ ИМПЕРИИ (ИМПЕРИЯ КАК ПОНЯТИЕ СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА)¹

1. Империя в повседневной политической коммуникации

<...>

1.2. «Империя» и «пространство»: Парадоксальные темы

Если коммуникация происходит в тех слоях общества, которые распространяют информацию при помощи технических средств, а также специализированы на выработке и поддержании культурных образцов, смысловых компонент социального поведения, то частная тема коммуникации небольшого круга или слоя может переходить в более широкий круг отношений и действий. Конечно же, сама по себе тема коммуникации еще не определяет направленность действия. Она структурирует коммуникацию (4), делая возможным целый спектр действий, т.е. задавая именно контекст разнонаправленного поведения.

¹ Печатается в сокращении по: Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии. – М., 1992. – Т. 1, № 1. – С. 89–120. Перепечатка данной статьи осуществляется с любезного согласия автора.

Присмотримся к одной из этих тем. Примерно в течение последних трех лет одним из ключевых было у нас понятие империи. Тема империи структурировала политическую коммуникацию, поскольку это понятие использовалось или его использование оспаривалось применительно к нашей стране. Достаточно простые суждения чуть ли не во всех возможных комбинациях образовали тут следующие цепочки рассуждений:

наша страна хороша; империя плоха; наша страна – не империя, наша страна плоха; империя хороша; наша страна – не империя, наша страна хороша; империя хороша; наша страна – империя, наша страна плоха; империя плоха; наша страна – империя.

Это, конечно, не силлогизмы, а риторические фигуры. Функция подобной риторики в политической жизни – отдельная тема. Коснемся ее лишь вскользь.

На первом этапе его вхождения в наш лексикон понятие империи использовалось, как правило, теми, кого принято называть «правыми». Говорилось об империи в превосходной степени, высказывалась тревога ввиду ее разрушения. Позже латынь заменили на русский, империю заменили державой. Держава, в основном, так и осталась у «правых». Империю отдали «левым». Если не исключать изначально возможность дискуссии, то обе стороны проиграли. Говорить плохо о державе и хорошо об империи у нас было не принято. Значит, и говорить не о чем. Оба понятия приобрели функцию не столько объяснительных средств, сколько блокировочных устройств. Оба они блокируют развертывание коммуникации, служа скорее опознавательным знаком «своего» и «чужого», ибо утверждение «он против державы», равно как и «он за империю» обрывает дискуссию. Единственный выход – доказывать, что ты в первом случае не против, а во втором – не за. Или же отказаться от любой дискуссии, что вполне нормально в политике, замещающей спор суррогатной риторикой, но не нормально в социальной науке, сколь бы политически ангажированной она ни была.

Попытка переворота (или путч, как его теперь чаще всего называют) ускорила центробежные тенденции, отчего империя вообще перестала быть темой хотя бы поверхностных споров. Вместо этого в повседневном политическом лексиконе замелькало понятие пространства. Даже преобразование СССР в СНГ заставило лишь несколько приутихнуть разговоры о пространстве, но не во-

все исчезнуть. При этом, конечно, анализу категории «пространство» уделяется еще меньше внимания, чем в свое время империи, ныне, как понятие, вполне дискредитированной. Далее будет показано, что «пространство» – это не просто случайно подвернувшийся термин, а одна из фундаментальных характеристик того феномена, о котором идет речь в нашей статье, так что описание объекта в социологии действительно не противоречит его обыденному описанию. Последуем же за эволюцией повседневной коммуникации и начнем с «империи», бывшей еще недавно столь заметной темой.

В случае с понятием «империя» мы сталкиваемся с одной из попыток коммуникации, темой которой является общество. В коммуникации используется различие (5), проводимое в синхронном (т.е., как мы увидим ниже, именно пространственном) и диахронном измерениях. Первое – это различие нашей страны и других современных стран; второе – различие нашей страны и прежде существовавших империй, включая и ту, которой было некогда Государство Российское (строго говоря, даже этот последний случай уже не есть диахрония в чистом виде, поскольку пространство российское меняется; все остальные суть наложение пространственного и временного смыслов во временном измерении). В неявном виде это различие используется даже тогда, когда явно его использование оспаривается. В утонченной теоретико-социологической формулировке это могло бы звучать так: в чем особенность данного типа социальности и где его историческое место? А тем самым проблема уже переносится из плоскости актуально-политической в плоскость сугубо научную.

2. Государство и общество: Основополагающие различия

2.1. Ограниченное и безграничное

Дальнейшие рассуждения невозможны без важной дополнительной оговорки. Легко заметить, что отчасти сходно с темой империи выступали и такие темы, как «тоталитаризм», «социализм» и «государство» (а также, хотя и реже, понятие тоталитарной империи). Что касается тоталитаризма и социализма, то это характеристики еще не названного объекта. Империя же (якобы нечто более очевидное) – то, что характеризуется как тоталитарное. А комби-

нация понятий в идеологическом противостоянии породила формулы «тоталитарная империя» и «социалистическая держава».

Собственно, помимо империи, можно говорить (и действительно говорится в этой связи) о тоталитарном государстве и тоталитарном обществе, а также о государстве и обществе социалистическом. При этом все понятия используются, как правило, некритически. Различны ли по существу понятия государства и общества? Слабая теоретическая проработка способна лишь породить невидимые для дискутирующих тавтологии и парадоксы (о функциях инвизибилитации, т.е. превращения в невидимые, парадоксов и тавтологий см. у Н. Лумана (6)). Попробуем внести некоторую ясность, ибо иначе мы рискуем запутаться в подразумеваемых в обыденной коммуникации значениях.

Здесь дело не в нашем произволе (хотя конвенционализм не исключен в социологии). Дело в том, что исторически сами понятия государства и общества определялись лишь в отличие друг от друга. Общество отлично от государства. Это различие последовало за тем периодом в социальной истории, когда еще не было ни государства, ни общества в современном их понимании. «Гражданское общество», которое ныне, в продолжение либеральной традиции, было у нас провозглашено целью реформ, чуть ли не до середины XVIII в. противопоставлялось не государству, но «ойко-су», домохозяйству. Люди вступали в политические отношения, образовывали сообщество, только если они имели статус свободных граждан. Хозяйственная жизнь ограничивалась кругом «большой семьи» и не выступала в качестве образующего общества начала. Не было понимания общества как области сопряжения частных неполитических интересов, но не было и понимания государства как особого аппарата, машины.

Когда же такое противопоставление возникло, то обнаружилась очень любопытная вещь: возникающее в противоположность государству общество не желает знать границ государства. Это обстоятельство было осознано далеко не сразу. Мешала неравномерность перехода разных стран к тому, что условно называется современным («modern»), столкновения государств в сфере международной, национальный принцип организации многих стран. И однако же безграничное в принципе общество все более теснило ограниченное по своему понятию (принцип территории!) госу-

дарство (7). В общем, идею безграничности общества можно встретить у многих либеральных теоретиков права и экономики уже в XIX в. (8). XX в. знает несколько попыток государства, так сказать, взять реванш, вобрать в себя обратно всю полноту социальности.

Как правило, эти попытки были связаны с социализмом и с национализмом. Социализм по своему смыслу – это учение о чистой социальности, и в этом отношении он родствен социологии. Конт более непосредственно наследует Сен-Симону, чем Маркс; Дюркгейм немыслим без Руссо. Однако дело, конечно, не в частных исторических конstellациях. В конце концов, вклад противников социализма в социологию был не меньшим (вспомним хотя бы только де Бональда!). Дело в том, что социализм (как это хорошо видно по работам молодого Маркса) ловил на слове просвещенческий либерализм с его антисловным и антигосударственным пафосом. Отнюдь не пытаясь привязать наши рассуждения к каким-либо существовавшим концепциям (это – дело специального анализа), представим возможный здесь ход рассуждений максимально отчетливым образом.

2.2. Мировое общество и национальный социализм

Чистая социальность постигается тогда, когда мы отвлекаемся от конкретных особенностей (исторических, национальных, расовых и т.п.) и видим в людях прежде всего людей, а уже потом – членов классов и групп, союзов и корпораций, семей и дружеских кружков. Это не мешает нам потом как социологам восходить от этого фундаментального слоя социальности ко всему названному. Однако вопрос: что такое (или, в формулировке Зиммеля, как возможна) социальность, – более первичен, чем вопрос о природе государства или о распределении социальных ролей в формальной организации. Социализм разделяет с социологией этот фундаментальный уровень, принимая все-таки иную формулу: социальность в тенденции есть и должна быть общением людей как людей, не опосредованным и не искаженным классами и господством.

И социология и социализм (хотя и весьма по-разному) говорят о мировом обществе. Социализм это приводит, в общем, чаще, чем социологию, к идее об отмирании государства. Но и социоло-

гии XIX в. мысль эта отнюдь не чужда. И однако же постепенно и социология и социализм смиряются с существованием государства. Для социологии оно оказывается сферой приложения ее особого исследовательского интереса, для социализма же открывается несколько возможностей. Либо он теряет свою радикальность, и тогда сам масштаб преобразований выглядит совершенно иначе. Либо он свою радикальность не теряет, и тогда универсальное общение избирается масштабом для критики существующего или его тотального всемирного преобразования (мировая революция). Но и на практике, и в теории с необходимостью появляется иной вариант: тотальное преобразование на локальном пространстве. (Желающие наглядно представить себе отношение радикального социализма к «отмиранию государства» могут еще раз перечитать «Государство и революцию» Ленина.) Универсализм тут оборачивается парадоксальной «религией человечества»: человек в его чистом антропологическом качестве ставится в основу социальных отношений, точнее, в основу интерпретации социальных отношений, но качество это признается не за всеми. Например, лишь за трудящимися или только за арийцами. Общество, якобы тотально отменившее государство на локальном пространстве, оказывается тотальным государством, поглотившим локальное пространство мирового общества. Поскольку его принцип не может быть осуществлен на всем человечестве, оно дифференцируется внутри системы человеческих сообществ как государство внутри других государств. И уже потому оно должно иметь политические структуры. Но в обществе, в котором принципом становится однородность социальной связи, политическая сфера не может быть чем-то отдельным. В нем не оказывается ни чисто политических, ни вовсе неполитических структур. В более или менее чистом виде мы встречаем такой ход мысли у Руссо, Фихте и Ленина. Специфическая окраска национального социализма (например, уже в случае с Фихте) не меняет здесь принципиальным образом ничего. Национальная идея, вступающая в конфликт с либеральным принципом безграничности общества, может рассматриваться под тем же углом зрения. Соответственно, она либо служит оформлению новой государственности, либо встречается с социализмом в ходе формирования тоталитарного общества-государства.

Естественным дополнением социализма на локальном государственном пространстве служит экспансионизм, все равно, выглядит ли это как «мировая пролетарская революция» или «всемирное призвание высшей расы» (не забудем как особый случай и весьма распространенный либеральный экспансионизм, поскольку предполагается, что лишь отдельные народы поначалу суть носители высших начал цивилизации и универсального общения). Универсальное отношение, лежащее в основе данного типа социальности, знает государственную границу только как факт, но не как принцип, и потому стремится распространить себя сообразно своей универсальности (национализм, с социализмом – т.е. универсальностью – не встретившийся, такого экспансионизма, как правило, не знает). Но поскольку он фактически все-таки ограничен как государство, это распространение может иметь только характер войны. (Следующим элементом схемы может оказаться мировое государство, как это легко проследить по работам, трактующим данную идею. См. социологический подход к теме мирового государства в 1931 г. у Ф. Тенниса и философский в 1961 г. у Э. Юнгера (9). Во всяком случае, основные понятия классической социологии формулируются безотносительно к государству (10). Конкретные высказывания и даже существенные позиции одних и тех же социологов варьируются в зависимости от эпохи. Многие либеральные надежды были, как известно, похоронены Первой мировой войной, а последовавшее возрождение национализма дискредитировано Второй мировой войной.)

Итак, мы видим, что категориальных различий между тоталитарным государством и тоталитарным обществом быть не может. Тот тип социальности, который тут имеется в виду, возникает, когда универсализм (универсальность договора и товарообмена, отличающая гражданское общество) современного общества перекидывается на область политики и государства, уже успевшего стать «государственной машиной», а государство не оставляет никаких неполитических областей в доступной его воздействию сфере социальных связей.

Теперь мы можем более четко сформулировать стоящую перед нами проблему. Что же все-таки называется тоталитарным, если государство и общество специфическим образом сливаются в этом типе социальности? Наверное, единственное, что нам остается,

это сказать: «страна». Удивительным образом, однако, понятие страны слабо концептуализировано в социологии. Что такое страна? Отграниченная государственными границами территория. Значит, государство и общество совпадают при тоталитаризме по «логическому объему понятия», а в прочих случаях они хотя бы имеют общие пространственные границы. Но как же тогда быть не только с идеей, но и с реальной безграничностью общества, с той всемирной коммуникацией, которая заставляет Лумана говорить о мировом обществе, а Уоллерстейна – о мировой системе? Очевидно, что эти сложности, связанные с одним только корректным названием того, что уже есть, не говоря уже о дальнейших исследованиях, имеют чисто концептуальную причину. И они отнюдь не становятся меньше, если темой обсуждения оказывается не тоталитаризм, а иной тип социальности. Во всяком случае, что касается империи, нас поджидают не меньшие сложности. А для разрешения их нам необходим более тонкий понятийный аппарат, чем тот, что был включен в наши рассуждения до сих пор.

3. Социология пространства

3.1. Историческое введение: Смысл пространства

Полноценное теоретическое рассуждение нуждается во внятной артикуляции выбора, совершаемого в его начале. Выбор имеет дискриминирующий характер, одни операции (последовательность утверждений) оказываются возможными, другие же невозможными. Говоря о «государстве», «обществе», «империи», мы отказываемся от выбора в пользу «органического» представления о том или ином виде социальности как некоей осязаемой «вещи», подобной другим вещам. В некоторых случаях социальные факты могут рассматриваться как вещи, что не тождественно утверждению, что они ими являются (11), однако в наших исследовательских целях куда важнее подчеркнуть, что социальность производится и воспроизводится только через действия и коммуникации, ее характер в каждом случае определяется смыслом этих действий, любые вещественные структуры выпадают из социальности при исчезновении или перемене сопряженного с ними смысла. Связь действий и коммуникаций образует систему (12). Однако системная терминология слишком

ком легко внушает вновь представление о вещи или организме, поэтому мы постараемся по возможности дольше ее избегать. Это позволит сделать больший упор на смысловой анализ.

Что может означать в этом случае понятие государства? Посмотрим, например, как разворачивает его М. Вебер, решительный противник овеществления социологических категорий. В 12 и 15–17 «Хозяйства и общества» он дает следующую последовательность определений.

1. Объединение – это замкнутое или ограниченное вовне социальное отношение, сохранение порядка в котором гарантируется поведением руководителя или управляющего штаба. 2. Предприятие – это непрерывное целенаправленное действие. 3. Учреждение – это объединение, установленные порядки которого могут быть навязаны действованию, определяемому рядом признаков. 4. Политическое объединение это объединение для господства (т.е. имеет шанс найти послушание своим приказам со стороны определенных лиц), порядки которого внутри определенной географической области постоянно гарантируются применением или угрозой применения физического насилия со стороны управленческого штаба. 5. Государство – политическое предприятие-учреждение, управленческий штаб которого с успехом претендует на монополию и использует монополию легитимного политического насилия для осуществления своих порядков (13).

Мы видим, что в этих рассуждениях есть один явно посторонний элемент. Это «географическая область». Все остальное так или иначе имеет отношение к «подразумеваемому смыслу» действия, но география кажется моментом, явно выпадающим из этого ряда, она объективна. Посмотрим теперь на другие определения, так или иначе включающие признак территории.

Приведем определение Ш.Н. Айзенштадта из его классической работы по нашей теме «Политическая система империй». «Политическая система, – пишет он, – это организация территориального общества, имеющая легитимную монополию на полномочное использование физической силы (force) в обществе» (14). Здесь опять-таки территория берется как нечто, не требующее пояснений. Мы находим это понятие и в контексте первых же дефиниций в известной работе Т. Парсонса «Общества». Парсонс говорит об обществах в том же самом смысле, в каком он говорит и о

«странах». Но общество концептуализировано в его терминах как социальная система, а страна – нет. Парсонс вместе с тем указывает, что общество является еще в некотором смысле частью более обширной социальной системы – интернациональной, или «интерсоциетальной» (15). Основание, по которому общество может быть выделено как особая система, невзирая на многочисленные связи и отношения его элементов, в которые они вступают помимо общества, – это (достаточно, впрочем, традиционная) характеристика его как наиболее самодостаточной системы: «Единицы общества более зависимы от других единиц того же общества, чем от единиц другого общества» (16). Примечательным образом именно тут всплывает понятие территории. Общество, по Парсонсу, в первую очередь политически организовано, и оно, в частности, должно установить «относительно эффективный нормативный порядок на некоторой территории» (*within a territorial area*) (17). При этом совершенно неясно, как сопрягается нормативный порядок с территорией. Ведь социальная система – это система действия, а среди конституирующих действие моментов Парсонс, скажем, в первой фундаментальной работе «Структура социального действия» пространство, в отличие от времени, не называет. То, что действие совершается во времени, принципиально важно. А вот то, что оно совершается в пространстве, – нет (18). Но это – замечание побочное. Дело, скорее, в том, что проблема территории не рассматривается как таковая. Это просто одна из природных данностей. Между тем и в парсонсовской схеме она могла бы быть представлена все-таки иначе.

Весьма основательно сопрягает общество и территорию один из близких к Парсонсу социологов Э. Шилз. Определяя общество, он исходит из той же основной посылки, что и Парсонс: общество отличается от того, что к нему не относится, в силу наибольшей степени взаимозависимости его элементов, хотя связи на границах отнюдь не прерываются. Общество, пишет Шилз, – «это не просто совокупность объединившихся людей, первичных и культурных коллективов, взаимодействующих и обменивающихся услугами друг с другом. Все эти коллективы образуют общество в силу своего существования под общей властью, которая осуществляет свой контроль над территорией, обозначенной границами, поддерживает и насаждает более или менее общую культуру. <...>

Главными факторами, создающими и сохраняющими общество, являются центральная власть, согласие и территориальная целостность» (20). Шилз формулирует проблему достаточно четко: если социальная система есть общество, то у нее должна быть своя система власти. А власть не безгранична. Она действует лишь в пределах каких-то границ. В этих же пределах власть имеет и культурное значение, проявляющееся в «остаточных эффектах» (дополнительно к тому, что непосредственно влекут за собой властные акты): сосредоточении внимания на центре, чувстве отождествления с другими людьми, ощущающими свою подчиненность той же власти, убеждение в легитимности власти. Центр завладевает умами, он активно образует тот культурный комплекс, без которого люди не стали бы членами именно данного общества.

Попутно Шилз делает принципиально важное именно в данном контексте замечание. Он оговаривает, что общества, имеющие обширную территорию, обычно обладают и пространственным центром, «который является или считается местоположением центральной институциональной и центральной культурной систем» (21). Но при этом он, к сожалению, не делает следующего шага. Не говоря уже о том, что ему не удастся убедительным образом совместить очевидный факт широких межсистемных связей с понятием об обществе как системе, ни в какую более широкую систему уже не входящей (последовательно это можно было бы сделать лишь через понятие «мирового общества» или на строго исторической основе, т.е. с указанием временных рамок значимости суждения), – Шилз некритически совмещает «количество территории» с вещами, имеющими сугубо смысловой характер. Причина этого – в невольном овеществлении системы, часто свойственном структурным функционалистам. Такое овеществление ведет к тому, что социальную систему интуитивно начинают рассматривать как пространственное тело среди других тел. Но если социальные связи уплотняются до степени пространственно созерцаемой границы, тогда все связи, которые эту границу пересекают, тоже должны быть как-то объяснены. Однако вместо объяснений следуют оговорки насчет того, что все рассуждения о самостоятельном существовании надо понимать относительно. Есть, конечно, и более перспективные варианты системного подхода. Но мы здесь не будем углубляться в этот вопрос.

Начнем исследование проблемы пространства в социологии с классических рассуждений Э. Дюркгейма в «Элементарных формах религиозной жизни». Пространство само по себе, говорит Дюркгейм, не имеет никаких характеристик. Но оно и не является (как у Канта) чистой формой созерцания. Точно так же, как мы отличаем один момент времени от другого, приписывая ему определенное значение (скажем, «прежде / после»), мы приписываем различные определения и пространству («север / юг», «запад / восток», «левое / правое»). Приписываем не по собственному произволу, но согласованным с пространственными представлениями нашей группы образом. Представления о пространстве, порождаемые в социальной группе, следуют из ее собственных характеристик. Социальная организация – это модель, которая копируется в пространственной организации (21). Именно общество представляет себе мир, ибо лишь оно способно снабдить нас самыми общими понятиями. «Но если мир находится (est) в обществе, то занимаемое им [обществом] пространство смешивается с тотальным пространством» (22). Дюркгейм объясняет, как это происходит: общество возможно, «только если составляющие его индивиды и вещи распределены между различными группами, т.е. классифицированы, и если сами эти группы классифицированы по отношению друг к другу. Общество, таким образом, предполагает сознательную самоорганизацию (*organisation consciente de soi*), которая есть не что иное, как классификация. Эта организация общества естественно сообщается пространству, которое оно занимает. Чтобы предотвратить любое столкновение, нужно, чтобы каждой отдельной группе была предназначена определенная часть пространства; иными словами, нужно, чтобы все пространство в целом было разделено, дифференцировано, ориентировано, и чтобы эти разделения и ориентации были известны всем» (23).

Рассуждения Дюркгейма уходят слишком далеко по пути социологизма. Вытекающие отсюда теоретико-познавательные трудности мы не можем здесь обсуждать. Интерес в связи с нашей темой представляет другое. В концепции Дюркгейма производится социологическая сублимация пространства. Через его крупные работы проходит сквозная идея: чем больше общество, тем универсальнее функционирующее в нем знание. Универсальность нравственного закона обусловлена тем, что мы (все люди) суть

человечества. Объективность научного познания в современном мире связана с интернационализацией социальной жизни. Напротив, небольшое, отдельное общество переносит свою не-универсальность и на те понятия, которым придает значимость его авторитет. Фактическая пространственная ограниченность обнаруживает себя в специфических понятиях пространства, при помощи которых описывается затем та идея пространства, которая включается в совокупное самопредставление общества. (В эпоху Дюркгейма эта проблема обсуждалась в контексте так называемой «социогеографии», в частности, у Ратцеля.) Подход Дюркгейма не может нас вполне удовлетворить не столько из-за теоретико-познавательных просчетов, сколько из-за того, что общество у него – это все-таки некая единая вещь, особая сущность, организм и т.п. В этих понятиях еще трудно описывать взаимодействие, коммуникацию.

Ближе подойти к существу дела мы сможем через концепцию «социологии пространства» Г. Зиммеля (24). Зиммель подходит к пространству в первую очередь как философ. Пространство – это «форма» совершения событий в мире, равно как и время. Часто именно таким формальным условиям приписывают некоторое причиняющее действие, когда, например, говорят о «власти времени» над людьми. Аналогичным образом обстоит дело и с пространством (ср. название весьма известной статьи Н.А. Бердяева «О власти пространств над русской душой»; дальнейшие рассуждения покажут, почему мы не считаем нужным даже коротко разобрать ее содержание). Зиммель доказывает, что это неверно. Само пространство не есть действующий фактор. Конечно, говорит он, царства, империи (*Reiche*) не могут быть сколь угодно большими, а любое пространственное взаиморасположение людей неизбежно обретает свою пространственную форму. Однако те содержания, которые эту форму наполняют, зависят от других содержаний, а вовсе не от пространства. «Не географический охват в столько-то квадратных миль образует великое царство (*Reich*), это совершают те психологические силы, которые из некоторого срединного пункта политически удерживают вместе жителей такой (географической) области» (24 а). Но в некоторых случаях пространственная форма оказывается особенно важна для рассмотрения социальных явлений (предмет социологии, по Зиммелю, напомним, «формы совершения общества» (*Formen der Vergesellschaftung*), а форма –

это характеристика пространственная!). Исследователь придает такое значение пространству, если в конституировании «формы совершения общества» пространственный аспект выступает как первостепенный момент. Один из примеров этого прослеживается в так называемой «исключительности пространства». Вполне сходные в прочих отношениях вещи могут различаться именно потому, что занимают разные места в пространстве. Причем некоторые социальные образования могут быть так крепко спаяны со своим пространством, что для других места на том же пространстве уже не остается. Таково государство, исключаящее на своей территории другие государства. Иначе обстоит дело, скажем, с городом, городской общиной. Влияние, будь то экономическое, политическое или духовное, распространяется за пределы города, где встречается с влияниями, исходящими от других городов. При этом предполагается, что взаимовлияние происходит именно в государстве, на его исключительной территории. В то же время на территории, скажем, средневекового города существует, в сущности, несколько городских общин. В этой же связи Зиммель указывает на принципиальное значение проведения границ в пространстве. Пространство, занимаемое некоторой общественной группой, мы воспринимаем как единство, причем единство пространства настолько же выражает единство группы, насколько и наоборот, единство группы оказывается основанием единства пространства. В природе любое проведение границ условно, именно поэтому такое значение имеют границы политические. «Граница – это не пространственный факт с социологическим эффектом, но социологический факт, который пространственно оформляется» (24 b). Зиммель рассматривает и различие в пространственном оформлении фиксированных на определенных территориях групп и перемещающихся сообществ. Наконец, он исследует значение пространственной дистанции во взаимоотношениях людей (позже это станет одной из тем так называемой «социальной экологии»). Более подробно говорить о концепции Зиммеля мы здесь не можем, хотя его подход к социологическому анализу пространства, в том числе и политического, представляется до сих пор вполне эвристичным. К недостаткам и здесь можно отнести то, за что Зиммель не раз критиковал М. Вебер: нечеткость в отсылках к «объективно правильному» и «субъективно значимому» смыслу. Большое про-

странство, как мы покажем ниже, может выступать конститутивным моментом для группы, занимающей малое пространство. Ни у Дюркгейма, ни у Зиммеля такая возможность не предусматривается. Кроме того, подход Зиммеля должен быть встроен в более общую концептуальную схему, интегрирован с современными подходами.

Не имея возможности дать разработанную социологию пространства, сошлемся только на рассуждения одного современного автора – Дж. Тернера, чьи недавние разработки носят синтетический характер. В статье об «аналитическом теоретизировании», обобщающей некоторые идеи ведущих теоретиков (А. Гидденса, Р. Коллинза и др.), Тернер пишет о социальном взаимодействии в «пространстве и времени». Обратим внимание прежде всего на то, что пространство тут – это социально организованное пространство интеракции. «Своим размещением в пространстве или своим перемещением в пространстве люди сигнализируют друг другу о своих намерениях и ожиданиях» (25). Положение или перемещение в пространстве – это использование возможностей ролевого исполнения (role-making) (термин Р. Тернера) и выстраивания социальной «сценической игры» (stage-making). Выстраивая свое взаимодействие как сценическую игру, индивиды договариваются об использовании пространства: кто какую территорию занимает, кто, куда и как часто может передвигаться и т.д. Отсюда следует возможность регионализации интеракций, т.е. образование устойчивого образца их пространственного распределения и подвижности. Характерным образом регионализация стоит у Тернера в одном ряду с «рутинизацией», «нормативизацией», «ритуализацией» и «категоризацией» (взаимным типизированием) совместной активности индивидов, находясь с ними в отношении позитивного взаимодополнения. Насколько успешно происходит одно из перечисленного, зависит от успешности также и всего остального (26).

3.2. Большое пространство в коммуникации и действии

Теперь мы можем дать еще несколько общих характеристик. Социальность совершается в пространстве. Смысловая структура пространства есть компонента смысловой составляющей социального действия, причем поскольку социальность вменяется человеку как действующему, то пространство может оказаться и соци-

ально-антропологической характеристикой. Скажем, достоинство человека и способность к социальности признаются лишь за гражданином античного города-государства, или за «вообще эллином», или «римским гражданином» (с известными модификациями). За пределом ведомого мира кончается человечность и социальность. Наше нынешнее представление о «человеке вообще» коррелирует со знанием о «всем человечестве» на пространстве всей Земли.

У Тернера показано, как пространственная составляющая сопределяет смысл социального действия в локальной интеракции. Но Тернер не показал, как во взаимодействия разного уровня обобщенности входит большое пространство, смысл которого не всякий раз порождается непосредственно в интеракции (у Зиммеля, наоборот, речь идет либо о сообществах разной степени протяженности, например городе и государстве, либо об отдельном человеке и сообществе, либо об отдельных людях, взаимодействующих безотносительно к большому сообществу). Рассмотрим проблему сначала на примере диадического взаимодействия.

Если «я» и «другой» взаимно ориентируют свое поведение, то пространственная достижимость (непосредственно или через средства коммуникации) входит в смысл этого поведения. Пространство может приобретать смысл временного измерения: я не посылаю письмо, зная, что оно не успеет дойти к сроку. Или же: я посылаю сообщение в расчете, что продолжительность его прохождения изменит его смысл. Большое пространство взаимодействия должно быть большим именно по смыслу, а не по физической характеристике. Я ориентируюсь при посылке письма не на абсолютную величину пространства, но на наличие средств коммуникации, на отлаженность почты, на социальную допустимость эквивалентной замены: бумаги – телефонным звонком, документа на оригинальном бланке – телексом или факсом. Но некоторый остаточный момент объективности мог бы оставаться: то, что находится в пределах личной досягаемости, передается иначе, чем то, для чего необходимы средства сообщения. Однако и этот момент может быть снят, например, правилами бюрократической процедуры: иную бумагу нельзя послать иначе, чем с посылным, даже в соседний кабинет. Не то чтобы величина пространства вообще не играла никакой роли, но прежде она должна получить социальный смысл. Мы видим это – подходя тем самым ближе к нашей

основной теме – на примере государственной границы. Так, государственная граница проходит не только между участниками телефонного разговора в Москве и Париже, но и между москвичем и парижанином в разговоре с глазу на глаз, будь то в Москве или Париже. Но эта ситуация не возникла бы в диадическом взаимодействии, если бы до этого смысл границы не соопределил всей сети социальных коммуникаций на некотором политико-географическом пространстве. Посмотрим теперь на примеры более сложные.

Пресекаются ли на государственной границе, скажем, все торговые или культурные связи (вопрос, который мы уже затрагивали выше)? Как когда. Зиммель говорит о взаимовлиянии городов, но внутри государства. Однако товар – по самому смыслу товарности – есть нечто обмениваемое. Смысл действия товарообмена не соопределен политическим пространством, если берется в чистом виде. Размещение в пространстве товаровладельцев ничего не меняет в том, что обменивают они именно товары. При этом и величина пространства – хотя она учитывается здесь так же, как и в рассмотренных выше примерах, – не влияет на самый смысл товарности. Другое дело, если большое пространство имеет политическую определенность. Тут именно государственная граница может соопределить смысл товарообмена, например через введение таможенных правил или, напротив, через объявление зоны свободной торговли или демонстративное соблюдение нейтральности (характерен, например, политический статус портовых городов в Древнем мире, признаваемых в своем нейтральном торговом статусе крупными континентальными силами; см. об этом: (27). Точнее будет сказать, что смысл товарообмена остается неизменным в определенных пространственных пределах, хотя понятие о таких пределах, как представляется, не входит в этот смысл изначально. Однако представляется это только в искаженной перспективе, заданной нашим нынешним пониманием свободного рыночного товарообмена. В действительности же в истории такой товарообмен – это сравнительно поздний результат социальной эволюции. И, таким образом, «естественнее» было бы предположить (учитывая распространенность и временную продолжительность) как раз обратное, а именно, что товарообмен нередко отягощен какими-то дополнительными смыслами, среди которых мы находим и смысл политического пространства (28). Таким политическим простран-

ством является и империя. Подробнее речь об этом пойдет в следующем разделе. А пока что зафиксируем применительно к товарообмену: не только империя есть политическое пространство, и не только этот смысл соположен товарообмену. Но если ему соположены какие-то смыслы, то тогда уже и этот. В такой перспективе и свободная торговля выглядит иначе, а именно как социально-эволюционное достижение, гарантированное, не в последнюю очередь, политическим членением больших пространств, в том числе и имперским (ниже мы подтвердим это еще раз, обращаясь к работам Уоллестейна).

Сделаем еще одно небольшое историческое отступление. Мы не можем пойти сейчас путем перечисления всех реально существовавших империй, дабы затем абстрагировать их общие признаки. Ведь для того, чтобы отнести тот или иной исторический феномен к империи, нужно иметь предварительное понятие о ней. Но исторически это имя привязано к совершенно определенным феноменам.

Этимологические изыскания — слишком легкий хлеб для социолога. Упомянем только общеизвестное: что латинское *Imperium* происходит от глагола *imperare* (приказывать, господствовать) и означает повеления, власть, полномочия, а в римском праве — высшую распорядительную власть, включая военную, в пределах городских стен Рима ограниченную полномочиями других органов власти и политическими правами граждан, а вне этих стен совершенную. С этим сопряжено и понятие об *Imperium* как империи именно в смысле определенной области: Римского государства в доступной его экспансии сфере, в некоторые периоды понимаемой как весь ведомый мир: круг земель, *orbis terrarum*. После падения Западной Римской империи общее именование сохранила за собой Восточная. Но и помимо этого империя продолжала жить как идея и возродилась в Европе как Священная Римская империя германской нации. Позже мы встречаем это еще несколько раз в истории Европы, когда — с использованием все того же латинского корня (у французов, англичан и русских), а когда и без оно (у немцев). Граница во всех этих случаях была явственна как грань, отделявшая от других государств. И очень часто в имперскую идею была также вплетена мысль о безграничности, именно о круге земель, быть может, временно и неподвластных, но в принципе включае-

мых в сферу перспективной экспансии и в этом отношении до конца исчерпывающих ее. Граница, таким образом, присутствовала тут как способ организации пространства, оказывающегося не бескачественным равномерным протяжением, но неким политическим смыслом. Право, афористически говорит Карл Шмитт (в книге о европейском праве народов), – это пространство закона, т.е. «единство порядка и локализации» (29). К понятию империи эта формула (с известными ограничениями) приложима в неменьшей степени. Но мы должны еще перевести ее на язык социологии.

4. Империя как смысл пространства и горизонт коммуникации

4.1. Большое политическое пространство: Смысл и форма

Опираясь на результаты предыдущего раздела, дадим теперь рабочее определение империи.

Империя – это смысл (и реальность осуществления) большого политического пространства, соположенный смыслу неполитических действий или коммуникаций.

Чтобы сделать это определение более ясным, обратимся сначала к имеющимся в западной социологии концепциям империи. Пожалуй, активнее всего использует это понятие уже долгие годы Ш.Н. Айзенштадт. В упомянутом выше труде «Политические системы империй» он выделяет семь главных типов политических систем. Среди них к империям он относит три типа: «патримониальные империи» (например, государство Каролингов или Парфянское царство), «империи кочевников» (например, монгольских), а также «централизованные исторические бюрократические империи», которым, собственно, и посвящено его исследование. Перечислять все приводимые примеры не имеет смысла. Укажем только, что сюда входят и древние государства Египта и Вавилона, и персидские царства, и Индия, и Китай, и Рим, и Византия, и Оттоманская империя, и собственно европейские государства (в Западной, Центральной и Восточной Европе), и завоевательные империи европейских государств в неевропейских регионах. (Заметим, что понятие «государство» мы просто воспроизводим вслед за Айзенштадтом, хотя правомерность такого некритического его использования может быть оспорена с той позиции, которая была изложена выше.)

Что позволяет подводить столь разные явления под одно понятие? Айзенштадт указывает основную черту: это ограниченная автономия политической сферы, выражающаяся в: (1) развитии автономных политических целей правителями и, до некоторой степени, теми, кто участвует в политической борьбе; (2) развитии ограниченной дифференциации политической деятельности и ролей; (3) попытках организовать политическое сообщество в централизованное единство; (4) развитии специфических организаций администрации и политической борьбы (30). Айзенштадт называет и то, чем исследуемые им социальные образования отличаются, во-первых, от патримониальных и феодальных систем и, во-вторых, от обществ современных. В первом случае отличие состоит в четкой территориальной организации, которой нет в феодальных и патримониальных системах, а также в том, что эти системы не дифференцируют социальную, политическую и экономическую иерархии, слабо артикулируют политическую сферу, имеющую особую организацию и автономные цели. Напротив, для современных политических систем характерна куда более значительная дифференциация видов политической деятельности, разделение власти среди правящих институтов, распределение политических прав среди управляемых и, соответственно, больший объем политической деятельности в обществе, потенциально активное участие различных групп в определении политических целей, экстенсивное развитие специфически-политических и административных организаций, в частности партийно-политических, ослабление традиционно-наследственной легитимации властителей, возрастание их подотчетности в формально-институциональном отношении перед теми, кто обладает политическими правами, а также их представителями, формальная или подлинная институционализация соревнования за достижение власти и руководящих позиций (31).

Дополним эту экспозицию характеристиками европейского типа империй из относительно недавней работы Айзенштадта «Европейская цивилизация в сравнительной перспективе». Здесь он подчеркивает особый тип структурного плюрализма, развившийся в Европе, где низкий, но постоянно возраставший уровень структурной дифференциации сопрягался с постоянно менявшимися границами различных общностей, социальных единиц и референтных систем. Для европейской, как он здесь ее называет, «импер-

ски-феодальной системы» было характерно наличие многих центров – политических, религиозных и других, а также – в ином ряду – центров региональных. Причем эти центры – в отличие, скажем, от Индии – не находились в состоянии «адаптивного симбиоза», когда религия легитимирует политику, а политика обеспечивает ей защиту и ресурсы. В Европе условия их взаимной адаптации были предметом борьбы, эти центры притязали на относительную автономию, поддерживая свои притязания и материальной силой, и престижем, которым они располагали (32).

Рассуждения Айзенштадта (а некоторые его высказывания в продолжение приведенных мы еще процитируем ниже) помогают точнее сформулировать понятие империи именно в духе предлагаемой нами концептуализации. Выделим в них следующие моменты.

(1) Империи, о которых пишет Айзенштадт, занимают промежуточное положение в том, что касается автономности, обособленности политической системы. Она уже есть как нечто отдельное, но ее еще нет как особой сферы.

(2) Они имеют четкую территориальную организацию, несмотря на то, что эту территорию занимают многочисленные политические, культурные и региональные центры, противоборствующие в утверждении своей относительной автономии.

Нас не может, конечно, удовлетворить недостаточно критическое применение Айзенштадтом понятий «империя», «государство» и «общество». Но нельзя отрицать, что для реально существовавших и носивших это имя империй он указал действительно важные признаки. Однако и эти признаки – лишь свойства чего-то, что ими определяется, но не исчерпывается.

Ведь если говорится об относительной самостоятельности политической сферы, то где самостоятельна она? В обществе? В стране? В цивилизации? Считается ли, что государство, входящее в состав империи, есть государство в том же самом смысле, что и не входящие в нее государства, и, в свою очередь, государство, выходящее из империи, остается государством в том же самом смысле? Все это заставляет нас дополнить или иначе выстроить рассуждения в некоторых принципиальных пунктах.

Здесь очень важно, что определение, данное нами в начале этого раздела, помогает лучше разобраться в фиксируемых Айзенштадтом характеристиках. Для того чтобы смысл политическо-

го пространства мог быть перенесен, нужно, чтобы он обладал некоторой выявленностью, обособленностью. Иначе говоря, политический и неполитический смысл должны сначала различаться, чтобы затем можно было говорить о перенесении одного на другое. Но при этом не просто смысл политического переносится на неполитическое. Это-то как раз специфического отношения к империи не имеет. Скорее, если брать предельный случай, это могло бы быть названо одной из характеристик тоталитаризма, в особенности как они даны выше. И в этой связи приведем еще одно весьма точное замечание Шилза. Анализируя отношения центра и периферии на обширных территориях, он указывает, что тут «периферия преимущественно, т.е. большую часть времени и в большинстве сфер действия и убеждений, лежит за пределами радиуса действия центра. Самые отдаленные от центра окраины периферии остаются вне его досягаемости и, если не считать эпизодического сбора налогов и дани да возложения время от времени некоторых повинностей, периферия предоставлена самой себе. Эти отдаленные зоны периферии, в которых, возможно, сосредоточено большинство населения общества, имеют свои собственные относительно независимые центры. Более того, во многих важных отношениях эта модель находится на самой границе нашего представления о том, что является обществом». Однако именно такое рыхловатое образование получает у него далее следующую характеристику: «Эта модель была характерна для больших бюрократически имперских обществ, которые, несмотря на устремления – то усиливающиеся, то ослабевающие – их правителей к более высокой степени интеграции, в общем и целом были минимально интегрированными обществами. Модель бюрократически-имперских обществ, напоминающая тоталитарные общества нашего века в том, что касается различия центра и периферии по высоте положения, полярно противоположна тоталитарным обществам в том, что касается объема господства и степени пропитывания периферии, которых домогался и фактически добивался центр» (33).

Этот момент сходства и различия тоталитарных и, так сказать, традиционных имперских обществ схвачен Шилзом очень точно. Дело только в том, что здесь отсутствует необходимое объяснение этого феномена. А для объяснения, как уже было сказано, требуется более сложный инструментарий и именно смысловой

анализ. Переходя к нему, подчеркнем еще раз. Речь в данном случае идет не о перенесении политического смысла, но о переносе смысла политического пространства. Здесь потребуется ряд достаточно тонких различий, чтобы вполне выяснить этот сложный вопрос.

Смысл политического – это не только смысл пространства, хотя пространственный смысл со-полагается, например, смыслом политической власти или влияния, господства и авторитета и т.п. Соответственно, пространственная составляющая часто входит в смысл политического как такового, но перенесение политического смысла – не обязательно перенесение смысла политического пространства. Скажем, мы можем определить, что власть всегда реализуется на некоторой области. За пределами этой области она уже не значима. Посмотрим теперь на вмешательство власти в дела неполитические. Любое вмешательство, конечно, предполагает, что оно происходит именно на том пространстве, где значима данная власть. Однако же, с другой стороны, именно это пространство было определено как то, где некие дела (допустим, семейные) определены как неполитические. Если бы они были определены как политические, то опять-таки не шла бы речь о вмешательстве. Значит, в своей неполитичности они тоже имеют определенный политический смысл, а именно тот, что на данном пространстве значимости власти нечто выводится из-под ее действия и тем самым становится сферой вмешательства по случаю. Мы видим, что, хотя каждый случай вмешательства означает перенос дополнительного политического смысла, он не означает перенесения дополнительного смысла политического пространства. Или еще точнее: поскольку на некотором пространстве предполагается возможной, хотя и исключается как правило, интервенция в неполитическое политической власти, смысл политического пространства уже соположен смыслам неполитических сфер и не переносится дополнительно в указанных случаях.

Рассмотрим это чуть подробнее. Относительная автономия политической сферы означает, что определенные темы коммуникации и определенные лица как ее партнеры имеют исключительное или первостепенное политическое значение, а другие темы и другие лица исключительно или первостепенно неполитичны. Отчетливо политическое и отчетливо неполитическое служат фоном для взаимоопределения. Здесь мы воспользуемся различиями,

применяемыми Д.Р. Хофштадтером. Хофштадтер говорит о «негативном» фоне (т.е. фоне, самом по себе бесформенном); в нашем случае это было бы «все неполитическое» без дальнейших уточнений. Ему противопоставляется «позитивный» фон, т.е. такой, который сам по себе оформлен, есть «фигура». Для различения фигур на негативном фоне (в негативном пространстве (*negative space*), как еще говорит Хофштадтер) и фигур на фоне фигур он вводит свои собственные категории курсивно рисуемого и рекурсивного (*cursively drawable and recursive*) (34). В зависимости от того, что мы выберем как точку отсчета, фигура и фон в последнем случае могут меняться местами, ибо и то и другое «курсивно рисуемы», т.е. имеют закругленные, замкнутые на себя черты. Для Хофштадтера это – первое наглядное приближение к концепции самореферентных систем. Для нас – наглядное представление политической формы. Понятие формы традиционно соотносилось именно с государственным. Отсутствие государства – недостаток формы. Характерно, что у Фрайера, для которого государство есть высший вид социальности, последняя глава его учения о государстве называется «Форма» (35).

Посмотрим теперь, как могут оформляться относительно друг друга различные смыслы коммуникации.

Выше уже шла речь о том, что нечто по смыслу неполитическое может именно в этой неполитичности иметь политический смысл. Наиболее чисто такой вариант взаимосвязи политического и неполитического в теоретическом плане представлен у Гоббса: государство гарантирует не просто существование человека как таковое, но и «обеспечение за всяким человеком всех благ жизни, приобретенных им законным трудом, безопасным и безвредным для государства» (Левиафан, гл. XXX). Но что именно для государства опасно, а что – безопасно, определяет лишь суверен (это политическое значение неполитического высветил в предварительных замечаниях ко второму изданию своей «Политической теологии», а позже и в монографии о Гоббсе Карл Шмитт (36). Неполитическое имеет политическое значение как неполитическое и определяется на позитивном фоне политического как «оформленной фигуры». «Вообще неполитическое» не оформлено. «Вообще политическое» оформлено лишь в случае совпадения политического и государственного при полноте государственного суверенитета. При этом политическое может выступить с точки зрения всего неполитического лишь как фигура

на негативном фоне. Государственно-политическое само по себе оформлено, поскольку речь идет о его очерченных границах, которые отделяют его не от неполитического, но от иной политической формы, иного государства. Эти фигуры созерцаются в пространстве, государство пространственно ограничено. Распределение политической власти на некоторой территории дает ей смысл политического пространства. Его форма определяется изнутри, поскольку государство суверенно на своей территории. Его форма определяется и извне, поскольку все ведомое пространство занято другими государствами. Его форма соопределяется географией, если гора, океан или пустыня кладут естественные пределы политической власти.

Другое дело, если бы неполитическое квалифицировалось более определенным образом, например как совокупность домохозяйств. Ибо домохозяйство тоже род устойчиво оформленного пространства. Это пространство неполитической интеракции, которое не безгранично, в отличие от мирового хозяйства, но в своем роде не менее четко фиксировано, чем политическое, полисное, которому оно изначально и противопоставляется (см., например: [Аристотель, Политика, 1252 b–1253 a]). Тогда, скажем, граница полиса есть в то же время позитивный фон для поселений и домохозяйств в этих пределах, а они не исчерпывают, но составляют часть неполитического фона полиса. Таким образом фон пусть и не строго, но хотя бы в некоторой своей части «позитивен». Разумеется, любое приложение этой схемы к реальности обнаружит размытость социальных фигур. И все-таки схватываемая в созерцании соположенность социальных фигур поможет лучше понять, когда они отличаются от чего-то малоопределенного, а когда – не теряя своей самоопределенности – включены в сложный узор пространственно оформленной социальности.

4.2. Центр и периферия: Империя как фон и горизонт

Политическое пространство, о котором у нас идет речь, – это пространство большое и продолжительное, т.е. длительно сохраняющее свою форму и размер. Домохозяйство – пространство малое, по смыслу – неполитическое, но продолжительное. Может быть также пространство мимолетной интеракции, имеющее, в зависимости от темы коммуникации, политический или неполитический смысл. Указание на величину пространства обладает тем

достоинством, что здесь присутствует интуитивная достоверность. Недостатком может показаться то, что количественный момент вообще входит в определение, не будучи при этом фиксирован иначе, чем через интуитивную коннотацию слова «большой». Однако подобным же образом во многих социологических дефинициях фигурирует время (указание на продолжительность оформленности пространства есть также отсылка ко времени). Скажем, ролевые ожидания или нормы – это всегда нечто устойчивое во времени, хотя мера этой устойчивости неизвестна. Так, у Парсонса инструментальная ориентация отличается от консуматорной как краткосрочная от долгосрочной (37). Впрочем, не так уж неизвестно социальной науке и понятие «большого пространства», которое встречается у К. Шмитта, правда, в контексте международного права (38).

Именно организация большого пространства позволяет разграничивать центр и периферию. Чисто географически центр может располагаться чуть ли не где угодно. Но мы имеем дело не с чистой географией, но с политическим смыслом пространства, т.е. с отличиями в протекании коммуникации. Организация пространства позволяет также более внятно различать государство и империю. Это различие имеет многомерный характер. Резюмируем поэтому сначала то, что уже было сказано выше, ибо наибольшая сложность состоит именно в терминологических дистинкциях при совершенно неустоявшейся терминологии.

Мы поставили проблему определения империи в связь с определением государства и общества. Само понятие об обществе, как было сказано, получается первоначально лишь в связи с понятием о государстве как его противоположности. Соответственно, и понятие о государстве в том смысле, какой оно имеет в противоположность обществу, не может быть получено, откуда не развилось это последнее. Однако, когда еще не было общества в нынешнем смысле – ни «гражданского общества» как сферы согласования частных интересов внутри определенного политического образования, ни универсальной связи договорного характера, пробивающей себе дорогу помимо политических границ, ни, наконец, просто «охватывающей социальной системы», «горизонта всех возможных коммуникаций» (39), – тогда государство противопоставлялось как наиболее обширная и совершенная социальная связь домохозяйству и поселению, и в этом смысле между

государством и обществом никакой разницы не было. Вопрос о том, допустимо ли говорить о какой-то более обширной социальной связи, мог при этом ставиться лишь чрезвычайно неудовлетворительно. Характерно при этом для античности почти полное отсутствие категории «международное право» («право народов» означало тогда нечто совершенно иное). Между тем вслед за эпохой «городов-государств» в социальной истории наступил период империй (более ранние восточные империи мы не берем в расчет только потому, что в них отсутствовала или не дошла до наших дней соответственно развитая социальная мысль; в истории понятий западной социальной науки мы обречены на неизбежную узость и в том, что касается самой социальной истории). Но социальная мысль сильно запоздала в постижении этого обстоятельства. Лишь в начале II тысячелетия н.э. мы встречаем попытки рассмотреть империю как следующий, более высокий в традиционной иерархии «домохозяйство–поселение–полис» тип социальности (40). Обратим внимание также на то, что здесь отсутствует понятие о государственном суверенитете входящих в империю образований, зато вполне выражено представление о принципиальной безграничности Священной Римской империи. И только с выделением из ее состава государств с совершенно определенными границами, суверенитетом в рамках этих границ, предполагающим, между прочим, и полномочия подавить все самостоятельные социальные образования внутри этих государств в противоположность предполагавшей такое многообразие организации империи, – появились и государства в близком к современному смысле (41), ставшие лоном возникновения гражданского общества. Там, где подавляется политическая жизнь и политическая борьба, обнаруживается нейтральная область для развития «гражданского общества». Конечно, «нейтральность» государства не была чем-то само собой разумеющимся. За нее вели борьбу, и она осуществилась там, где эта борьба увенчалась успехом. Тут уже мы встречаем хорошо знакомые понятия и реалии: национальное государство как такое объединение людей, которое уважает их частные права, в том числе и право свободной торговли, т.е. договорной связи с другими людьми помимо государственных границ. Вот имея в виду это развитие, и надо проводить дальнейшие различия между государством и империей.

Дело не только в величине, хотя малое государство возможно, а малая империя, как правило, нет. Главное – сам принцип границы. Государство четко определяет свою территорию, а на этой территории, равно как и вне ее (в делах международных), – свою компетенцию. Империя такого четкого ограничения не знает. Империя есть государство во внешнем отношении, поскольку она противостоит другим империям (например, после распада Священной Римской империи образовались не сразу и не только государства, но и как бы квазиимперии, например враждовавшие между собой Испания и Англия), и над противостоящими политическими образованиями уже нет высшего охватывающего целого. Она есть государство во внутреннем отношении, поскольку имеет государственный аппарат. Но империя не исчерпывается государством. Имперское пространство есть двуединая граница: собственно государственная граница (которая может быть и менее четко очерченной, чем граница современного государства) и смысловой горизонт коммуникации, тематизируемый как таковой лишь при определенных обстоятельствах. Об этих обстоятельствах речь пойдет ниже.

Рассмотрим сначала, что следует из самой величины пространства, поскольку речь может идти о наложении смысла на фактическую географию.

Именно здесь уместно будет привести более позднее определение империи, данное Айзенштадтом в «Международной энциклопедии социальных наук»: «Термин “империя” обычно используется для обозначения политической системы, охватывающей большие, относительно сильно централизованные территории, в которых центр, воплощенный как в личности императора, так и в центральных политических институтах, образовывал автономную единицу. Далее, хотя империи обычно основывались на традиционной легитимации, они часто использовали некоторые более широкие, потенциально универсальные политические и культурные ориентации, выходившие за пределы того, что было свойственно любой из составляющих империи частей» (42).

Попытаемся теперь связать величину пространства и универсализм. Большое пространство почти непременно оказывается анизотропным (хотя, может быть, точнее тут было бы слово «анизотопный»), неоднородным. Чистое количество этой неоднородно-

сти не предполагает. Но имперское пространство – это не чистое количество, это политическое определение большой территории, каковая, в свою очередь, не есть просто сетка координат, но нечто, объемлющее уникальные, «здесь-и-так-сущие», географические места и уникальные, «здесь-и-так-сущие», квазисамостоятельные (все же в империи сущие) социальные образования. Наложение социального и географического смыслов обуславливает специфическое значение как первого, так и второго в этом сочетании. (Ср. выше изложение идеи Зиммеля о политических границах в географическом пространстве.)

Коммуникации в империи поэтому скорее всего протекают как бы безотносительно к ней. Лишь в специальных случаях требуется тематизировать ведомый мир, границу достижимости коммуникации, политический смысл этой границы. Лишь специальный анализ горизонтной структуры коммуникативного смысла покажет, присутствует ли в ней в том или ином случае имперский смысл. Для конкретного исследования это всякий раз особая проблема. Она не может решаться отдельно от совокупного анализа смысловых структур. Вычленение в них на базисном уровне политически-пространственной структурированности и будет означать присутствие империи.

Итак, империя по своему социологическому понятию – это сначала фон и смысловой горизонт. Определение большого пространства как пространства Империи, «пространства закона» есть, конечно, определение политическое. Закон, будь то «дух» или «буква», становится действительностью лишь через осуществляющую его власть (43). Реальный пространственный предел этой власти – фактическая граница империи, а степень универсализма имперской идеи – ее идеальная граница. Сочетание потенциала экспансии с имперской идеей образует идеальную границу империи, ее *orbis terrarum*, круг земель. Величина пространства внутри империи отчасти подобна обобщенности нормы: без достаточной абстрактности нет надлежащего охвата, без последующей спецификации применительно к более ограниченной категории участников взаимодействия норма лишена инструктивной силы. Внутри огромного имперского пространства неизбежно многообразие, чем бы оно ни выражалось: национальными, региональными, историческими или иными особенностями. Можно предположить, что

цепочки коммуникаций, общий горизонт которых бесконечно далекая (пусть даже и географически близкая) граница империи, столь же мало связаны между собой, как и любые действия, если общая норма в неспецифицированном виде рассредоточивается на большие массы. Пространственная респецификация есть соопределение мотивационной силы, инструктивного эффекта смысла, функционирующего в коммуникации. А имперский пространственный горизонт сопределяет укорененный в трансцендентном универсализм господствующей имперской религии (поскольку таковая существует, и поскольку она действительно в трансцендентном укоренена; чисто исторически так бывает часто, но все-таки не всегда). Все это относится к реальности империи, но только не следует забывать, что она – повторим еще раз – также и фон, и смысловой горизонт.

4.3. Имперские элиты

Теперь нам уже легче ввести те понятия, которые часто используются при анализе империй. В первую очередь, речь идет об элитах (политическая элита – это преимущественно та самая относительно обособленная политическая система, о которой говорит Айзенштадт). Элитная коммуникация – один из характернейших случаев тематизации империи. Элита делает империю темой своей коммуникации. Это означает, что империя может быть предметом обсуждения, сообщения, действия как: а) имперская идея, чистый смысл, безотносительно к своей реализации и даже реализуемости и б) властная и управленческая структура в полноте своей реальности (то, что позволяет нестрого говорить об империи также и как о государстве).

Элита, таким образом, сама конституируется через эту коммуникацию как группа или, точнее, как система. Но поскольку имперский смысл – это смысл пространственный, то при его тематизации возникают любопытные интерференции. Ведь элита – как система коммуникации, предполагающая известную взаимодостижимость ее участников, – имеет особое пространственное размещение, свой специфический *locus* социального взаимодействия. Тематизация имперского горизонта происходит в более узком горизонте, различном для различно размещенных и по-разному со-

четающих горизонт империи с горизонтом своего специфического пространственного размещения групп и особым выстраиванием «сценической ситуации» (44). А отсюда вытекают не только различение имперской элиты на центральную и периферийную, но и различные модусы самотематизации периферийной элиты. Центральная элита обычно без затруднений справляется с парадоксом, суть которого в том, что отдельная группа отождествляет себя со всеобщим. Этому способствует господство иерархической модели дифференциации общества. Периферийные элиты могут либо отождествлять себя полностью с империей, либо, напротив, отчетливо тематизировать свою особость и особость своей обозримой социальной области. Империя устойчива, покуда гармонизированы отношения центральной и периферийной элит и периферийные элиты балансируют между этими крайними возможностями (45).

5. Империи как системы

Теперь мы можем перейти к более содержательным высказываниям об империях. В рамках одной статьи будет достаточно лишь очертить направления возможных исследований, не претендуя на сколько-нибудь подробный анализ.

Одной из наиболее известных концепций в современной социологии, где понятие империи используется достаточно широко, является теория развития современной мировой системы И. Уоллерстейна. Подход Уоллерстейна вкратце таков.

В конце XV – начале XVI в. в Европе возникло мировое хозяйство (world-economy). Эта система не была империей, но занимала столь же большое пространство и, кроме того, имела некоторые другие, общие с большой империей черты. Строго говоря, мировое хозяйство не есть современное (в смысле Нового времени) изобретение. Мировые хозяйства бывали и прежде, однако они превращались в империи. Таковы Китай, Персия, Рим. Возможно, что и современный мир идет в этом направлении, хотя и методы современного капитализма, и научно-технические достижения позволяют современному мировому хозяйству процветать и расширяться, не образуя единой политической структуры (46).

Итак, мировое хозяйство и империя – это два типа социальных систем. Все иные системы, будь то племя, сообщество, нацио-

нальное государство, так сказать, не совсем полноценны, ибо они необходимым образом включены в более широкие связи. Однако с самого начала выясняется, что империи к тому времени, о котором идет речь в книге Уоллерстейна, как бы уже не было, а мирового хозяйства не было еще. «Западноевропейский феодализм вырос из дезинтеграции империи, дезинтеграции, которая никогда не была полной фактически (in reality) или даже de jure. Миф о Римской Империи все еще обеспечивал определенную культурную и даже юридическую (legal) сцепленность этого региона. Христианский мир (Christianity) служил той совокупностью параметров, в которых совершалось социальное действие. Феодальная Европа была “цивилизацией”, но не мировой системой» (47).

Именно здесь хорошо видно, сколь коварным оказывается предлагаемый Айзенштадтом подход. Ведь Уоллерстейн начинает свои рассуждения именно с того определения империи, которое дано Айзенштадтом в «Международной энциклопедии социальных наук» и приведено у нас выше в завершающей части предшествующего раздела. Получается, что продолжительное время существовал некий вид социальности, который вообще не ухватывается схематизмом понятий «империя» / «мировое хозяйство». Для «цивилизации» здесь места нет, во всяком случае, как тип социальной системы она не определяется. Между тем само историческое исследование заставляет Уоллерстейна в конце книги подтвердить важные теоретические положения.

Если системы суть нечто вполне реальное, то это значит, что их внешние связи не ставят под сомнение независимость внутренних. А это возможно лишь в двух случаях. Либо мы имеем дело с крошечными автономными хозяйствами, не включенными ни в какую систему зависимостей, либо с мировыми системами. И «до сих пор существовали лишь две разновидности таких мировых систем: мировые империи, в которых имеется одна-единственная политическая система на большую часть региона, как бы ни мала была степень ее эффективного контроля; и те системы, в которых над всем или фактически всем пространством не царит такая одна-единственная политическая система» (48).

Конечно, невозможно доказывать, будто с исчезновением реальной имперской власти над большим пространством и, скажем, превращением императора в символическую фигуру полити-

ческая система империи продолжает существовать. Но проблема окажется куда проще, если разделить имперский смысл и фактическую политическую власть, как это сделали мы в предыдущем разделе статьи. Историк и социолог, как показывает пример Уоллерстейна, действительно имеет дело с континуальностью империи. Все высказывания Уоллерстейна, которые мы привели, приобретают куда большую когерентность, если мы свяжем их этой методически единой точкой зрения. Не забудем отметить еще один важный пункт. Уоллерстейн как исследователь находится в мировом хозяйстве, которое лишено важнейших черт империи. В том числе и той, что на всем этом пространстве империя никогда осуществлена не была и даже как миф, как правило, не мыслилась. Идеи мировой империи, поскольку они залегают в традиционных слоях культуры, связаны с более ранними географическими представлениями, а то, что связано с современной географией, в основном, лежит на периферии современной культуры (и это уже совершенно отдельная проблема). Уоллерстейн наблюдает империю извне, располагаясь как наблюдатель в мировом хозяйстве (пространственное различие) и в перспективе его исторического разветвления (диахроническое различие: империя как прошлое).

Теперь посмотрим, как работает с понятием империи другой исследователь, немецкий социолог В. Бюль. Сошлемся на его книгу «Конец советско-американской гегемонии» (49). Привлекая формулировки Ю. Гальтунга (50), Бюль говорит, что империя структурно определяется отношениями господства между национальной элитой в центре группы государств и рядом национальных элит на периферии при далеко заходящей гармонии интересов между центром центральной нации и центром периферийной нации. Решающий признак империи – плацдармы, образованные имперской элитой в периферийных нациях. Решающая функция – перенесение на периферийные нации сверхпропорциональных расходов по поддержанию господства. Империя и империализм – не одно и то же. Пока имперский порядок дает хотя бы нескольким нациям дополнительные импульсы для развития, говорить об империализме нельзя, равно как и в тех случаях, когда имперская власть принимает на себя основные расходы по осуществлению господства (при этом расходы других наций могут быть все равно сверхпропорциональными).

С 1948 г., полагает Бюль, т.е. с момента насильственного установления коммунистической власти в Чехословакии, политика СССР все сильнее приобретает империалистические черты. Империалистическая политика влечет за собой ряд деформаций. Первая и главная из них – «экстернализация», т.е. поворот к преимущественно внешней политике, безусловном, бесполезном и бесцельном увеличении международного пространства влияния. Самая примитивная форма этой экстернализации – «территориализация» политики. Большая территория может означать и значительную мощь, и непосильное бремя. В современных условиях издержки территориальной экспансии превышают выгоды. Конечно, для национального государства большая территория может представлять известный интерес. Но при политическом руководстве международным альянсом дело обстоит иначе. Немало империй погибло именно из-за их непомерной величины. «Если в многонациональном государстве центральная нация оказывается в демографическом меньшинстве, если большая часть сельскохозяйственной продукции пропадает в ходе транспортировки и при хранении, если большие регионы могут быть лишь плохо обеспечены необходимыми предметами потребления, если развиваются сознающие себя таковыми региональные культуры со своим собственным литературным языком, самостоятельными традициями и независимыми социальными организациями и т.п., тогда – сравнительно со способностью правительства к социальной организации – империя уже явно стала слишком велика. В случае с Советским Союзом именно так, очевидно, и обстоит дело» (51).

Главная дилемма империи, по Бюлю, – это дилемма «контроля и кооптации». Эффективное имперское руководство может быть только косвенным, при более или менее добровольном участии в исполнении господства со стороны тех, кто ему подчинен. Это возможно, только если местные элиты предпочитают подчинение самостоятельности, что, в свою очередь, предполагает их постоянную кооптацию в центральную элиту. Местную элиту нельзя просто угнетать – она восстанет при первом же удобном случае. Ее нельзя просто покупать – она потеряет всякое доверие со стороны своего народа. Если же она регулярно кооптируется в состав центральной элиты, то у нее появляется и компетенция, и легитимность, чтобы ставить свои собственные требования в духе

своих собственных, региональных интересов. Проблема СССР состоит в том, что в нем нет такого народа, который бы составлял его ядро, хотя центральная номенклатура и является русской. Тонкий слой номенклатурной элиты – это все, что удерживает империю СССР и во внешнем отношении, и внутри. Но интересы центральной и периферийных элит уже далеко не тождественны. Внутренние части империи все больше начинают идентифицировать себя с внешними, не усматривая необходимости в том, чтобы сообщаться между собой или другими странами только через центр. А исчезновение политической поддержки в непосредственном окружении Советского Союза делает положение империи критическим. Однако основополагающие изменения могут стать только результатом тяжелых кризисов.

Анализ советской ситуации у Бюля достаточно релевантен. Но формулировки, касающиеся империи, носят тут, конечно, заведомо прикладной характер. При этом из поля зрения неизбежно уходят важные вещи. Империя в малой степени рассматривается как культурный феномен, а имперская элита – как (также и) культурная элита, элита смыслопроизводства, если воспользоваться тут словечком Х. Шельски (52). В этой связи весьма резонными кажутся рассуждения Айзенштадта о том, что неудовлетворителен любой анализ, если определения какого бы то ни было институционального комплекса, будь то государство, политические институты или классовый строй, принимаются за нечто само собой разумеющееся, если используются как бы универсальные понятия политической власти, политической и административной деятельности и ее «агентов», различий в статусе, групповых интересов и т.п. Между тем в разных цивилизациях существуют разные базовые модели власти, авторитета, справедливости, места политики в общей концепции человека и космоса. Эти модели формируются под решающим воздействием основных элит, в первую очередь политической (53). Оставим в стороне понятие цивилизации – оно требует специального социологического прояснения. Во всяком случае, его не следует употреблять некритически. Но рассуждения Айзенштадта справедливы в том отношении, что некоторый более широкий смысловой контекст должен приниматься во внимание при анализе как бы самоочевидных институтов государства, власти и т.п. При политическом членении большого пространства та-

ким контекстом и оказывается империя. Как мы уже говорили выше, во внешнем отношении она выглядит как государство. Велик соблазн для внешнего наблюдателя и далее рассматривать ее так, словно бы это – просто очень большое государство, не придавая должного значения тому, что в культурном комплексе, формулируемом и формируемом элитой, имперская идея включает в себе весь мир – в культурном и в политическом отношении. Тогда бесцельный и бессмысленный экспансионизм перестанет быть столь загадочным (Бюль несколько раз повторяет: невозможно понять рациональные основания советской внешней политики, одни убытки, никаких выгод и т.п.).

Пожалуй, только понятие элиты не должно тут вызывать никаких сомнений. Ведь смысл наблюдается лишь будучи тематизирован. Элементы смыслового фона конденсируются при постоянном повторении в качестве особенной темы. Тема есть тема коммуникации, цепочка коммуникаций образует систему, система может иметь вид элитной группы. Таким образом, мы ничуть не отрицаем результаты Бюля, Уоллерстейна или Айзенштадта. Но дело и не только в том, чтобы сообщить рассуждениям одного или нескольких авторов большую когерентность и сделать их взаимопереводимыми в рамках общей теоретической схемы. Дело еще и в том, чтобы использовать их с известными ограничениями. Ибо все они находятся вне империй. Нам же приходится вести речь об империи изнутри империи. А отсюда вытекает и своеобразие нашей социологии.

6. Современный кризис Союза: Распад или трансформация империи?

6.1. «Общее пространство»

Пожалуй, после всего, что было сказано выше, не стоит приводить дополнительные доказательства того, что наша страна (желающие могут подставить вместо слов «наша страна» «бывший Союз» или «СНГ») – империя, а тот процесс, который мы сейчас переживаем, одна из типичных имперских трансформаций. В рамках нашей схемы не должно показаться неожиданным и утверждение, что империя пока что никуда не исчезла, хотя фактически

осуществление политической власти претерпело значительные изменения. Конечно, самый простой аргумент тут был бы тот, что для некоторого числа политиков и интеллектуалов типична коммуникация по поводу «имперской идеи», а насколько они влиятельны – это уже вопрос менее важный. Однако этот аргумент свел бы все возможности многостороннего анализа к проблематике частичных образований в области политической культуры. Ради плоского утверждения, что феномен продолжает жить как традиция, как миф и т.п., хотя бы в политической реальности ему уже мало что соответствовало, не стоило выстраивать столь длинную цепочку рассуждений. Нет, пока что нам приходится говорить о вещах куда более осязаемых и, во всяком случае, для социолога небезразличных.

В начале статьи уже было сказано, что так же, как еще совсем недавно повседневная политическая коммуникация часто бывала структурирована темой империи, так в самое последнее время на передний план выходит категория «пространство». Характерным образом пространство не стало темой в полном смысле слова. Это важный феномен, который лишь на первый взгляд может показаться совершенно незначительным обстоятельством. Пока что «пространство» – это нейтральный термин. С одной стороны, его широкое использование – это типичный способ избежать политического противостояния в деполитизированной сфере возможного согласия: попытка столь же естественная, сколь и безнадежная (54). С другой стороны, заметно стремление всех политиков вытеснить основное значение «пространства» за пределы дискуссии.

В самом деле, Империя, как мы видели, – это особая организация и социальное значение пространства. Соответственно, политически организованное большое пространство, соопределяющее смысл действий и коммуникаций, есть империя. А раз так, то «экономическое пространство», «таможенное пространство», «экологическое пространство» или (если вспомнить лексику переворота) «общее пространство гражданских прав» – характерные формулы нынешней политической жизни – свидетельствуют о том, что империя еще существует. Особенности ее трансформации мы сейчас и рассмотрим.

Очевидно, что никакого особого экономического пространства в принципе существовать не может. Экономическое простран-

ство – это мировое хозяйство. Любые попытки политически организовать пространство совершаются либо внутри иного, более широкого политического пространства, либо в мировом хозяйстве. Поэтому государства, т.е. политические системы, властные на определенной территории, могут, скажем, устанавливать таможенные барьеры, заключать экономические союзы и т.п., но при этом не иметь ничего общего с империями. Ибо они – воспользуемся еще одним словечком Уоллерстейна – суть сердцевинные государства в системе мирового хозяйства, в мировой системы (а уже о ее сходстве или различии с империей можно поговорить отдельно) (55). Другое дело – государства, только вычленившиеся из империи, отвоевавшие в ней свой суверенитет. Однако для дальнейших рассуждений нам надо сделать еще одно уточнение.

Дело в том, что на тип империи как политической организации пространства оказывает принципиально важное влияние тип пространства, а именно материковое или океаническое пространство. Решающее значение океанического принципа для развития индустрии и мирового хозяйства подчеркивал уже Гегель (56). Империи, организованные на океанически-динамическом принципе, ближе стоят к всеохватному мировому хозяйству, менее привязаны к политической форме. Но наши последующие рассуждения относятся к сухопутным, материковым пространствам. Проследить далее эту тему мы здесь не имеем возможности.

6.2. Действующие факторы трансформации: Империя, государство и общество

Итак, что же происходит при трансформации империи, из которой вычлениются новые и новые государства? Напомним некоторые принципиально важные моменты нашей статьи. Мы говорили, что империя – это фон и смысловой горизонт, что тематизируется этот смысл далеко не всегда, а специально – лишь центральной имперской элитой. Мы говорили о том, что большое пространство как соопределяющий смысл лишено непосредственной мотивационной силы, что оно анизотопно, что (здесь приводились суждения Шилза) инструктивно-мотивационную силу имеет имперский центр, но самотематизация центральной и периферийной элит парадоксальна, а взаимоотношения их (дилемма контроля и кооптации, по

Бюлю) напряженны. Именно с этой точки зрения возможно объяснить некоторые особенности так называемого «народного имперского сознания», как они проявили себя в течение последних нескольких лет.

Посмотрим сначала, что должно было произойти при любой пертурбации внутри империи. Всякие изменения, так или иначе связанные с политической коммуникацией, с мотивацией коллективного поведения и т.п., были чреваты для нее серьезной угрозой. Ибо при том, что она сама по себе как фон и смысловой горизонт могла соприисутствовать в самых разных по конкретной направленности коммуникациях (будучи просто предполагаема как нечто само собой разумеющееся), фактически она была явлена преимущественно через коммуникацию центральной политической элиты и тематизирована конкретно как тоталитарное, а затем посттоталитарное социальное устройство. Два момента при этом должны были сыграть решающую роль. Во-первых, тематизация более широкого смыслового горизонта, горизонта мирового общества. Фон мирового общества есть нечто совершенно иное, чем горизонт возможной экспансии. На фоне мирового общества империя выступает – мы уже писали об этом выше – лишь как государство в ряду государств. Но чтобы увидеть это, надо принять позицию мирового общества как свою собственную. Именно этот смертный грех против империи совершил советский номенклатурный либерализм с его идеей общегуманитарных ценностей. В той части, в какой имперская элита отказалась от профетических и миссионерских притязаний и тематизировала мировую систему, она утратила собственную идентичность и, следовательно, основание для сохранения как общего имперского членения пространства, так и собственных властных полномочий. Единственным и, как можно судить, предусматривавшимся выходом было превращение империи в одно из сердцевинных государств мировой системы, т.е. государств – политических гарантов мирового хозяйства. Именно поэтому с такой видимой легкостью была отдана Восточная Европа. Как область экспансии она уже не могла больше выступать, а областью влияния и даже притяжения Союза как сверхмощного в военном отношении поставщика сырья она должна была оставаться все равно.

При этом даже не ставился вопрос, может ли имперское хозяйство вписаться в мировое хозяйство. Но главное, не учитывалось другое. В империи, где центральная элита теряет свою идентичность как имперская элита и пытается сохраниться именно как государственная, фактически куда более обоснованными кажутся притязания локальных, периферийных элит, именно потому, что их *locus*, по видимости, не вызывает сомнений. В то время как граница империи, строго говоря, проходит и по Берлину, и по Анголе, и по Одру, и по Кабулу, и по сердцу члена центральной элиты, государство Литва или государство Казахстан имеет фиксированные границы, в которых и определяются властные полномочия местной, «периферийной» (относительно центра) элиты. Однако и это обстоятельство могло иметь еще не столь скоротечные следствия, если бы не возникновение непосредственно под крылом центральной элиты мощного антиимперского блока. С того момента, когда понятие империи было отождествлено с понятием тоталитарного коммунистического режима (кстати говоря, уже далеко не тоталитарного в ту пору), последующее развитие событий было предрешено. При этом ведь вся культурная элита, включая высшую религиозную, освятила новую, демократическую власть. Весь механизм производства смысла (и смысла жизни, и обычного престижа) вошел в зацепление с механизмом производства влияния. Повторим еще раз: пространство может соопределять смысл действия, но не может иметь собственной мотивирующей силы, сравнимой с той, что имеют массовые политические движения. Потеря центральной идентичности, паралич воли (обусловленный принятием одних лишь общегуманитарных ценностей) в разработке нового совокупного видения политического членения большого пространства сдали империю в ее прежнем виде напору периферийных элит (в независимости от того, какой конкретной идеологией они были вооружены в каждом отдельном случае). Так должно было случиться, и так случилось.

Теперь присмотримся к происходящему и намечающимся на будущее тенденциям. Между тем, что было сказано в начале этого раздела о сохранении империи и в конце предыдущего абзаца о ее распаде, нет противоречия. Ведь локальные пространства власти бывших периферийных элит империи определяются на том же самом пространстве империи, которое, таким образом, фактически

присутствует опять-таки как позитивный фон политических форм. Это, конечно, лишь самое абстрактное выражение того, о чем говорят упомянутые формулы новой риторики: «экологическое», «экономическое» и т.п. «пространство». Об этом говорит оставление единых (по меньшей мере, стратегических) вооруженных сил, а также ряд иных атрибутов центра. О хрупкости и ненадежности достигаемого тут баланса говорится сейчас так много, что мы бы не хотели отвлекать на это внимание читателя еще раз. Взглянем на другую сторону проблемы.

Действительно, элиты новых политических образований на пространстве прежней империи самоопределяются и взаимоотносятся на ее пространстве. Однако прежняя центральная элита уже успела задать новую парадигму территориального оформления: перспективу мирового общества. А потому новые элиты одновременно тематизируют пространства своих республик в рамках старого пространства империи, и в рамках нового пространства мировой системы, и в рамках старого пространства старых империй, если вспомнить, например, империю Османскую. При этом в мировой системе место сердцевинного государства все еще занято за прежней имперской элитой, репрезентирующей империю как государство в ряду государств вне ее границ. Однако теперь эта прежняя имперская элита старается оформиться как государственная элита самого большого из вычленившихся государств, т.е. России, с ее правопреемством относительно Союза. В рамках мирового общества новые элиты, в свою очередь, претендуют на роль сердцевинных государств, а в границах союзной империи – на роль государств суверенных. Чисто исторически можно было бы заметить, что в такой идеологии интерферируют две достаточно различные эпохи, ибо хотя становление суверенных государств и совпадает в Европе по времени со становлением мирового хозяйства, но в сформировавшейся мировой системе формулы суверенитета эпохи Суареса, Бодена или даже Руссо просто нелепы. Однако социологически такой оборот дела вполне правомерен. И здесь мы можем снова сказать об одном из просчетов имперских либералов.

Напомним еще один их излюбленный ход рассуждений. Государство, говорили они, поглотило у нас общество. Необходимо освободить общество от государства. Дать простор «гражданскому

обществу». Но так можно было рассуждать только в государстве, не в империи. Когда государство отступает на задний план, действительно освобождается нейтральная область гражданского общества. Когда распадаются империи, возникает не гражданское общество. Тогда только впервые возникает государство, с предельно (а не – в принципе – беспредельно) обозначенной территорией, с принципом национальности (в наиболее благоприятном случае просто тождественной государственному гражданству), с понятием народа и народного (сначала, впрочем, государева) суверенитета. Суверенитет же – опять-таки поначалу – определяется здесь так, как мог и должен был определяться лишь суверенитет имперский. Понятие имперского полновластия конструируется, как правило, с привлечением той или иной идеи о ступенчатом строении бытия. Империя занимает на лестнице бытия определенное место, ее полновластие имеет мессианский, космический характер. При становлении государств, вынужденных противоборствовать универсальным силам империи, оформляется абсолютизм, в конструкции которого поначалу переносится слишком много от имперского полновластия (57). Так это было в Европе, покуда именно в лоне абсолютистских государств не возникло нейтральное (т.е. деполи-тизированное) пространство гражданского общества. Но первоначальное перенесение принципов имперского полновластия на локальное пространство государств не могло не повлечь за собой (хотя и в относительно более слабой форме) то, о чем уже выше мы говорили применительно к социализму и государственному или национальному социализму: концепция всемирного призвания империи на принципиально безграничном пространстве переходит в идею совершенной власти на пространстве локальном.

Конечно, в условиях посттоталитарного развития любое усиление государства кажется сравнительно более мягким процессом по отношению ко временам не столь уж давним. Однако тенденция к усилению государственной власти в ущерб гражданскому обществу прослеживается все более явственно, независимо от того, имеем ли мы дело с Литвой, Грузией, Россией или Молдовой. Противовесом этой тенденции и служит мировая система, в рамках которой приходится действовать новым суверенам.

То, что империя как в капле воды отражается во всех своих отдельных частях, сказывается и в том, что абсолютистские тен-

денции (сходно с тем, как это было в Европе) противостоят у нас уже не столько имперским силам (в смысле центральной элиты), сколько внутренним тенденциям к дроблению. Нормальным образом этот процесс неостановим, ибо все границы внутри империи (за очень редкими исключениями) не имеют иной пространственной легитимации, кроме имперской. Административные границы стремятся стать государственными, конституируя все более мелкие части пространства по типу имперского полновластия, вне зависимости от того, носили ли они в старой империи имя (псевдо) государственных (республиканских) или только административных. Положить предел этому может только новое убедительное членение большого пространства, а это, в свою очередь, не может быть (в отличие от распространенных либеральных убеждений) делом только взаимной выгоды и торговых договоров. Впрочем, здесь мы бы не хотели обгонять реальность. То, что при этом наибольшие трудности ждут Российскую республику, очевидно. Укажем несколько из них.

Россия является не только формальной правопреемницей Союза, но и средоточием его самых больных проблем. Границы России, как они определены сейчас, не соответствуют в истории ничему: ни Российской империи, ни доимперской России, ни РСФСР в том ее виде, в каком она стала некогда соучредителем Союза. Они, таким образом, не имеют исторической легитимации. Правда, они признаны мировым сообществом, но практика показывает, что со временем оно способно признать что угодно, да, впрочем, признание или непризнание с его стороны – это вообще слабая гарантия. Единственная ощутимая гарантия – это признание со стороны других членов СНГ. Именно поэтому Россия бессильна в обосновании своих претензий другим государствам Содружества. Любой намек на возможность перекройки границ сделает неудержимыми внутренние дезинтеграционные процессы. Ибо Россия осталась квазиимперией. Она точно так же есть большое пространство многообразных социальных образований, с явственным различием имперского центра и многообразной периферии, с профилированной, но не вполне обособленной политической системой, с типичным для империи взаимоотношением элит. От империи в полном смысле ее отличает в первую очередь то, что административные границы внутри старой империи мало годятся

на роль смыслового горизонта. Другое дело, что частично они совпадают со старыми государственными. Кроме того, в нынешней России основная нация – русские – намного сильнее рассредоточена по пространству всей республики, чем по пространству старой империи. Это, впрочем (см. ниже), совсем не гарантия гомогенности. И центральная российская элита, как можно судить (в начале января 1992 г.), совершает сейчас несколько важных ошибок.

Во-первых, в обосновании новой государственной идеологии делается акцент на восстановлении российской государственности. Но российская государственность – это империя, причем в такой форме, в какой ей вряд ли можно возродиться теперь. Отсутствие исторической легитимации большого российского пространства именно в том виде, который оно приняло ныне, обуславливает как раз тем большую роль центральной элиты России, поскольку и она, как некогда элита Союза, представляет собой небольшую группу, специализированную на тематизации указанного пространства. Во-вторых, российская элита подчеркивает, что нынешняя Россия – это просто «очень большое» государство в ряду других государств. Непонимание своей имперской природы, отказ от отчетливой легитимации хотя бы нынешних границ и видимая нечувствительность к проблеме автономий, несмотря на все тревожные сигналы, может привести ее к тому же, к чему пришла элита Союза. В-третьих, нет внятной тематизации мирового и старого имперского пространства. Нет ясного (если не считать нефти, армии и международного правопреемства) определения фактической неизбежности той или иной формы Союза именно для России (ничем пока иначе не гарантированной не только от внешней, но и от внутренней перекройки границ), и нет определения ее международных интересов. В-четвертых, трагическим, если не сказать больше, является понимание частью центральной российской элиты дезинтегративных процессов как процессов преимущественно национальных. Национальная легитимация является, конечно, фактором наиболее очевидным, однако то, что не нация фиксирует территорию, а территория нацию, ясно всякому, кто следит за развитием казачества или Сибири. Рассчитывать, что в мультинациональной России хотя бы даже русское национальное сознание само по себе сможет стать барьером для дезинтеграции, значит опять-таки игнорировать поучительный процесс распада Союза.

Теперь мы можем сказать и о «странностях» массового «имперского сознания». Именно потому, что, как правило, империя присутствует в коммуникации не как тема, а как фон, «имперское сознание» не активировано. Массовый опрос действительно выявил (мы имеем в виду референдум об «обновленном Союзе») широкое распространение имперской настроенности масс. Однако это никак не отразилось на коллективном политическом поведении. За исключением тех случаев, когда развитие событий на локальном пространстве повлекло за собой ущемление прав тех или иных групп, приверженность Союзу отступала перед теми образцами мотивации, которые были заданы локальными элитами. Единственный аргумент, который мог бы иметь большую мотивирующую силу, – это доказательство от противного. Империя означает мир, замирение больших пространств. Распад империи – войну. Именно отсюда может родиться и у нас (собственно, уже родилась, но мало распространена) идея империи-мира. А «император» – это «*defensor pacis*», защитник мира, если вспомнить знаменитый труд Марсилия Падуанского. Однако пространство (вопреки упомянутой в примечании 45 шутливой формуле) не может быть – как и всякая абстракция – тематизировано большими группами. Единство пространства должно быть репрезентировано идеологическими формами, снабжено специальными мотивационными суррогатами, а также скреплено символически обобщенными средствами коммуникации, каковы, в частности, деньги, влияние и власть (мы следуем здесь, конечно, Парсонсу (57 а) и т.п. Мир на политизированном большом пространстве не возникает – как это понимал уже Гоббс – из одной потребности в мире. Для специальных исследований можно было бы сейчас выдвинуть ряд гипотез.

Вычленив действующие факторы трансформации империи, мы выделяем не столько однозначно фиксированные группы, сколько те системы, которые конституируются за счет определенного рода коммуникаций. Конкретные люди могут при этом входить в разные системы – как об этом однозначно говорит системная теория в социологии. Противопоставление империи и государства как систем коммуникации, в которых по-разному тематизируется (разное) пространство, мы уже прочерчивали в этой статье неоднократно. Ясно, что государство в этом смысле – не столько государственная машина, не единство трех властей, удивительным образом

совпадающих по объему своих пространственных компетенций с тем, что именовалось прежде «республиками». Государство, как показывает и теоретический анализ, и практика политической жизни, являет себя в виде опять-таки правящей элиты на том пространстве, где она оказывается способна (по тем или иным причинам) реализовать свои властные притязания. Государство – это и правительство Литвы, и правительство России, и правительство Чечни, и правительство Москвы. Империя существует в принципе в единственном числе. Государство – только во множественном. Мир империи – *universum*. Мир государств – *pluriversum*. Сложные взаимозависимости ничего не меняют в существе дела. Умножение числа президентов и правительств только видимая часть айсберга. Но помимо этого – о чем тоже неоднократно говорилось выше – мы вступили уже в мир универсального общения, связей, никак не опосредованных политическим членением пространства, в том числе и большого пространства империи, связей неожиданных, неподконтрольных. Именно эти связи мы в данном случае могли бы называть «обществом» в узком смысле, в том старом смысле этого слова, когда его еще противопоставляли государству, не понимая, что речь-то уже идет о всемирном общении. Именно эти три фактора – империя, государство (государства) и общество – определяют имперскую трансформацию. Именно на учете этих факторов мы строим предположения.

Так, мы предполагаем отсутствие достаточно сильных противовесов перспективе продолжающегося дробления страны. По мере того как большой горизонт будет все сильнее размываться, все менее отчетливо репрезентироваться старым центром власти, оформление новых территорий будет зависеть от очевидности нового контекста. Ничто не может быть дальше от очевидности, чем старые административные границы Союза ССР, так что любые устойчивые элементы пространственного оформления социальной жизни могут сыграть роль как бы зерна для кристаллизации совершенно иначе расчлененных и, главное, в свою очередь притязающих на суверенитет территорий. Среди очевидностей такого рода моменты этнические занимают первенствующее положение, но имеются не только они. Поэтому дробление будет полицентрично и непрерывно. Фактическая его осуществимость будет зависеть от многих моментов, в том числе и от особенностей форми-

рования локальных элит, а также их последующей способности и склонности гармонизировать отношения в мирной коммуникации. Мы предполагаем, далее, нарастание напряжений между новыми локальными политическими элитами и элитами «общества», будь то коммерсанты, интеллектуалы или просто новые политические движения. Однако все это требует уже конкретного изучения.

7.2. Методологическое заключение: *Наблюдение империи как удел и проблема*

Любая схема неполна и условна. Претензии на полноту анализа столь же неуместны, как и попытки защитить себя от возможных обвинений в односторонности. Дело не в том, чтобы оговорить правомерность иных подходов или перечислить то, что почти никак не было упомянуто – от технических проблем переработки информации такого объема и такой степени сложности в сколько-нибудь едином центре и до комплексной проблемы национальностей, далеко не исчерпывающейся вопросами пространственного размещения. Все это слишком очевидно. Но помимо чисто содержательных аспектов, здесь еще есть сторона методологическая.

Вспомним формулу Х. Матураны: «Что бы то ни было сказанное сказано наблюдателем. <...> Для наблюдателя некая сущность есть сущность, если он может описать ее. Описывать значит перечислять действительные или возможные взаимодействия и отношения описываемой сущности. Соответственно, наблюдатель может описывать некую сущность только если есть по меньшей мере еще одна сущность, от которой он может ее отличать и наблюдать ее взаимодействие или отношения с ней. Эта вторая сущность, которая служит референцией для описания, может быть какой бы то ни было сущностью, но предельной референцией для любого описания является сам наблюдатель» (58, с. 114). Вытекающие отсюда следствия теория аутопойетических систем, в том числе и в ее социологическом приложении, как у самого Матураны, так и (совершенно иначе) у Лумана и его последователей – это тема особого рода. Поэтому, не затрагивая проблематику аутопойетисиса, мы вкратце рассмотрим лишь то, что относится к наблюдению.

Описывая империю, мы выделили ее как некоторую сущность. Мы отличили империю (по смыслу) как большое, политически оформленное пространство от иного, более обширного пространства. Именно здесь было бы уместно поставить вопрос: а где находится сам наблюдатель? Для большинства современных историков и теоретиков ответ на этот вопрос очевиден: наблюдатель занимает наиболее универсальную возможную позицию, позицию в мировом обществе. Хотя на самом деле современный социологизм, по крайней мере исторически, обязан своим возникновением именно имперским и постимперским трансформациям в Европе (59), однако некое универсальное, в принципе безграничное общение предполагается тут как бы само собой (60). Точно так же сама собой предполагается ограниченность общения внутри империи. А «ограниченная универсальность» имперского горизонта перетолковывается в ограниченно универсальных горизонтах социального познания.

<...>

Февраль 1991 г. – январь 1992 г.

Примечания

<...>

- (4) См.: *Luhmann N. Soziale Systeme*. Frankfurt a.M., 1984. S. 213 ff., 224.
- (5) О проблематике различения (с опорой на логику исчисления форм Дж. Спенсера Брауна) см. работы Н. Лумана последнего времени, в частности: *Luhmann N. Soziologische Aufklärung 4*. Opladen, 1987; *Soziologische Aufklärung 5*. Opladen, 1990.
- (6) См.: *Luhmann N. Tautologie und Paradoxie in den Selbstbeschreibungen der modernen Gesellschaft // Zeitschrift f. Soziologie*, 1987, Jg. 16, Hft. 3. S. 161–174. Социологос, Выпуск 1. М., 1991. С. 194–215.
- (7) См.: *Manicas P.T. The death of the state*. N.Y., 1974.
- (8) См., например: *Иеринг Р. фон. Цель в праве*. Т. 1. СПб., 1881.
- (9) См.: *Tinnies F. Einföhrung in die Soziologie*. Stuttgart (1931), 1965. S. 115; *Jenger E. Der Weltstaat. Organismus und Organisation*. Stuttgart, 1960.

- (10) Конечно, классическая социология принимает в расчет государство. Но, скажем, что бы ни писал о «политическом союзе» Вебер, понятие социального действия конструируется безотносительно к нему и куда более фундаментально.
- (11) На это недавно вновь справедливо указал А.Б. Гофман. См.: Гофман А.Б. О социологии Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 545. Беда только в том, что в этом же издании мы читаем совершенно недвусмысленные высказывания Дюркгейма: «А между тем социальные явления суть вещи и о них нужно рассуждать как о вещах. <...> Вещью же является все то, что дано, представлено или, точнее, навязано наблюдению» (С. 432).
- (12) О коммуникациях как элементах социальных систем и действиях как наблюдаемых элементарных событиях в социальных системах см.: *Luhmann N. Soziale Systeme. GRUNDRIEINER allgemeinen Theorie.* Frankfurt a.M., 1984. Kap. 4, особенно Abschnitt VIII (S. 225 ff.).
- (13) *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft.* 5. Aufl. Studienausgabe. Tübingen, 1985. S. 26, 28–29.
- (14) *Eisenstadt S.N. The political system of empires.* Glencoe, 1963. P. 5.
- (15) *Parsons T. Societies. Evolutionary and Comparative Perspectives.* Englewood Cliffs, N.J., 1966. P. 2.
- (16) Ibidem.
- (17) Ibidem. См., впрочем, у Парсонса о международной социальной системе: *Parsons T. Order and Community in the International Social System* // *Parsons T. Politics and Social Structure.* N.Y.–L., 1969. P. 292–350.
- (18) *Parsons T. The Structure of Social Action.* N.Y. and London, 1937 P. 763: «Физическое время есть способ соотнесения событий в пространстве, время действия (action time) – способ связи средств и целей и других элементов действия. <...> Действие не-пространственно, но временно. (К этому сделано примечание). Конечно, каждое конкретное событие происходит также и в пространстве. Но этот факт есть непроблематическое данное в том, что касается аналитических наук о действии». Нельзя забыть о знаменитом уподоблении совершения действия перемещению тела в пространстве в «Рабочих материалах по теории действия» (*Working papers in the theory of action.* N.Y., 1953). Но эта метафора мало что говорит о реальном значении пространства для действия.
- (19) *Шулз Э. Общество и общества* // *Американская социология. Перспективы, проблемы, методы* / Сокращенный перевод с английского В.В. Воронина и Е.В. Зеньковского. М., 1972. С. 345.
- (20) Там же. – С. 349.

- (21) См.: *Durkheim E.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le systme totmique en Australie. 4 me dition. Paris, 1960. P. 17.
- (22) См.: Ibid. P. 630–631. Я благодарен А.Б. Гофману за уточнение перевода этой и следующей цитаты из Дюркгейма.
- (23) Ibid. – P. 633.
- (24) Зиммель несколько раз писал о пространстве, в том числе и в своей «Социологии» (гл. IX «Пространство и пространственные порядки общества»). Мы опираемся на более ранний вариант, статью 1903 г. «Социология пространства». Цит. по изданию: *Simmel G.* Soziologie des Raumes // *Simmel G.* Schriften zur Soziologie. Eine Auswahl. Hrsgg. u. eingeleitet v. H.-J. Dahme u. O. Rammstedt. Frankfurt a.M., 1983. S. 221–242.
- (24 а) См.: Ibid. – S. 221–222.
- (24 b) См.: Ibid. – S. 226–227. Цитата: S. 229. В настоящее время социальные проблемы и последствия проведения границ находятся в центре внимания, например, билефельдского исследовательского центра по социологии развития.
- (25) *Turner J.H.* Analytical Theorizing / Social Theory Today / Ed. by A. Giddens & J.H. Turner. Stanford, Cal., 1988. P. 176.
- (26) См.: Ibid. – P. 179, 181–183.
- (27) См.: Trade and market in the early empires. Economies in History and theory/ Edited by Karl Polanyi, Conrad M. Arensberg, and Harry W. Pearson. Glencoe, Ill. 1957.
- (28) См.: Ibidem. Ср. известные рассуждения Аристотеля в «Политике» (кн. третья, V, 10–13; 1280 a35–1280 b35) о том, что и торговые соглашения, и всяческие международные союзы никогда не образуют государства (собственно, полиса), т.е. заведомо выводятся за круг совершенного (политического) общения. Здесь политическое пространство городов-государств негативным образом определяет большое пространство торговли, да, впрочем, и межгосударственных связей. Впрочем, Аристотель и терминологически далек от современного понятия торговли. Ирония же состоит в том, что в это время античный мир вступил в эпоху больших политических пространств – империй. См. также: *Wallerstein I.* The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York, San Francisco, London, 1974. P. 20–21. Уоллестейн считает, что «до определенного момента феодализм и расширение торговли идут рука об руку». Но торговля «международная» (long-distance) имела очень ограниченный характер, так как была торговлей предметами роскоши, а не оптовых закупок (bulk goods). «Только с расширением производства в рамках современного мирового хозяйства международная торговля частично смогла превратиться в оптовую, что, в свою очередь, стало питать процесс расширенного

воспроизводства». Это относится к эпохе между большой империей и мировым хозяйством. См. также раздел 5 данной статьи и прим. 46–48 и 55.

- (29) См.: *Schmitt C. Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum*. Köln, 1950. S. 13–20. Идея имперского членения больших пространств была выдвинута Шмиттом в одном из наиболее одиозных его сочинений нацистского периода. См.: *Schmitt C. Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichbegriff im Völkerrecht*. 3. Aufl. Berlin, 1941. Взвешенный и содержательный анализ см. у Х. Гофмана: *Hoffmann H. Legitimität gegen Legalität. Der Weg der politischen Philosophie Carl Schmitts*. Berlin: Duncker & Humblot, 1964. S. 198–258. Прочитываем один из фрагментов этого анализа: «Принцип большого пространства права народов определяется <...> как “соединение политически пробудившегося народа, политической идеи и находящегося под политическим господством этой идеи, исключающего чуждые интервенции пространства”. Это соединение большого пространства, народа и политической идеи обозначается, с другой стороны, и как “империя” (Reich). Вследствие этого империя должна пониматься как принцип большого пространства. Таким образом, можно понять, почему Шмитт подчеркивает нетождественность империи и большого пространства» (S. 220–221). Империя как руководящая и структурирующая сила, в отличие от государства, распространяет за пределы «народной почвы», «государственной территории» некое культурное, хозяйственное, промышленное, организационное, а пожалуй, и политическое излучение. «Поэтому категорию большого пространства следует понимать не географически-статически, а исторически-динамически; ее, следовательно, нельзя рассматривать по аналогии с категорией государственной территории (Staatsgebiet)» (S. 221). См. также сравнительно недавнюю дискуссию в журнале «Телос» и специально статью Г. Алмена: *Ulmen G.L. American Imperialism and International Law: Carl Schmitt on the US in World Affairs // Telos*. Summer 1987. N 72. Special Issue. Carl Schmitt: Enemy or Foe? P. 43–71 (48 ff.).
- (30) См.: Eisenstadt S.N. Op. cit. P. 19.
- (31) См.: Ibid. – P. 22 ff.
- (32) См.: *Eisenstadt S.N. European Civilisation in a Comparative Perspective. A Study in the Relation Between Culture and Social Structure*. Oslo, 1987. P. 22–23.
- (33) Шулз Э. Цит. соч. С. 350.
- (34) См.: *Hofstadter D.R. Gödel, Escher, Bach: an Eternal Golden Braid*. Hassock, Sussex, 1979. P. 67–72.
- (35) Ср.: *Freyer H. Der Staat*. Leipzig, 1925. S. 188–216. «Оно [государство] дает смыслу приют и осуществление в конкретной форме и ее конкретной истории. Оно знает, что тем самым создает лишь одну определенную форму (Prägung)

наряду с другими определенными формами, – но ничего иного оно отнюдь и не желает» (S. 196). Ср. у Зиммеля о бесформенности объективированного духа как целого, о том, что культура не располагает для своих содержаний конкретным единством формы (см.: *Simmel G. Der Begriff und die Tragödie der Kultur // Simmel G. Das individuelle Gesetz. Philosophische Exkurse. Herausgegeben u. eingeleitet von M. Landmann. Frankfurt a.M., 1987. S. 146.*)

(36) «Между тем мы поняли политическое как тотальное и вследствие этого знаем также, что решение о том, является ли нечто неполитическим, всегда означает политическое решение, все равно, кто его принимает и какими доводами окружает». (*Schmitt C. Politische Theologie: Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. 2. Aufl. München u. Leipzig, 1934. S. 7.*)

(37) Мы имеем в виду одну из осей знаменитой AGIL – схемы Парсонса.

(38) См. прим. 29.

(39) См., напр.: *Luhmann N. Die Weltgesellschaft // Luhmann N. Soziologische Aufklärung 2. Opladen, 1975. S. 51–71.* («В отличие от всех прежних обществ мировое общество конституирует не только проективное (отражающее собственные потребности системы), но и реальное единство мирового горизонта. Или также и наоборот: мировое общество возникло потому, что предпосылками всемирного общения мир сделан единым» (S. 55). Ср. далее у Лумана: «Конечно, несмотря на все технические достижения, пространство сохраняет свое значение как субстрат взаимодействия; сомнительным, однако, становится, может ли оно и в дальнейшем быть первичной схемой дифференциации социальной реальности и тем самым – принципом границы для образования общества, или же сводится к специфической точке зрения дифференциации, которая, в зависимости от функционального контекста, может стать более или менее релевантной, т.е. по-разному должна быть институционализирована на уровне различных частных общественных систем. <...> Границы общества, которые отделяют от него возможности, вообще не систематизируемые, функционируют, в основном, латентно, а территориальные границы политических систем смещаются в сознании на их место, ибо они могут быть определены конкретно и суггестивно» (S. 60–61). Но это именно и означает, что в коммуникации функционирует совсем не тот пространственный смысл, какой считал бы сообразным социолог-просветитель! На самом деле, социолог способен писать о мировом обществе именно потому, что разделяет со своей аудиторией пространственные представления. В том числе – и о мировом обществе. Ср. также прим. 60.)

(40) См., напр.: *Aegidius Romanus. De regimine principum.* Более известный пример – это, конечно, «Монархия» Данте.

- (41) См.: *Heydte F.A. Frhr. v. d. Die Geburtsstunde des souveränen Staates*. Regensburg, 1952.
- (42) *Eisenstadt S.N. Empires // International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. V., N.Y., 1968. P. 41. Ср. критику этого определения в разделе 5.
- (43) Этот момент является одним из ключевых в ранних юридических работах Шмитта. См.: *Schmitt C. Der Wert des Staats und die Bedeutung des Einzelnen*. Tübingen, 1914. Позже Х. Фрайер различает на этом основании науки о логосе и науки о действительности. См.: *Freyer H. Op. cit.* (см. выше прим. 3). Т. Парсонс использует это различие и ссылается на Фрайера в своей «Структуре социального действия». См.: *Parsons T. Op. cit.* (прим. 18). P. 762, 774.
- (44) См. о семантике взаимодействия в высших слоях общества: *Luhmann N. Interaktion in Oberschichten: Zur Transformation ihrer Semantik im 17. und 18. Jahrhundert // Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1980. S. 72–161. («Высшие слои реализуют сплошь и рядом контакты регионально более широкие, содержательно (sachlich) более многообразные. Их отнюдь не отличает более высокая степень согласия; однако решения о кооперации или конфликте, заключении союза или уничтожении, установлении взаимопонимания или прерывании контактов имеют в этой системе больший вес или более продолжительные последствия» (S. 74).
- (45) О парадоксальных самоописаниях см. статью Лумана о парадоксах и тавтологиях (прим. 6). Понятие самотематизации также ввел Луман. См.: *Luhmann N. Die Selbst-Thematisierungen des Gesellschaftssystems // Luhmann N. Soziologische Aufklärung 2*. Opladen, 1975. S. 72–102. О дилеммах взаимодействия центральной и периферийной элит см. ниже разделы 5 и 6, в том числе прим. 49 и 51.
- (46) См.: *Wallerstein I. The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. – L.: Academic press, 1975. – 410 p.
- (47) Ibid. – P. 17–18.
- (48) Ibid. – P. 348.
- (49) См.: *Bühl W.L. Das Ende der amerikanisch-sowjetischen Hegemonie? Internationale Politik im Fünften Kondratieffschen Übergang*. München: Olzog, 1986. S. 100 ff.
- (50) Galtung J. A Structural Theory of Imperialism // *Journal of Peace Research*, 1971. Vol. 8. P. 81–117.
- (51) *Bühl W.L. Op. cit.* S. 104.
- (52) Правда, Шельски противопоставлял культурную элиту политической, а мы говорим о культурно-политической элите, единство которой может казаться весьма сомнительным с известной точки зрения. См.: *Schelsky H. Die Arbeit tun die anderen*. Opladen, 1975.

- (53) См.: *Eisenstadt S.N. European Civilisation in a Comparative Perspective. Op. cit. (Прим. 32), P. 7.*
- (54) Классическое исследование этой проблемы – знаменитая речь К. Шмитта «Эпоха нейтрализаций и деполитизаций» (*Schmitt C. Das Zeitalter der Neutralisierungen und Depolitisationen // Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Berlin: Duncker & Humblot, 1987. S. 79–95.*) Пророческой кажется журналистская острота (на встрече редакции «Известий» с М.С. Горбачёвым после путча): Скоро мы услышим, что, мол, за пространство обидно. И хотя в такой степени этот термин свою нейтральность, может быть, и не теряет, само его вхождение в политический обиход в ситуации конфликта подталкивает именно к такого рода заключениям.
- (55) См.: *Wallerstein I. Op. cit.*
- (56) «Подобно тому как условием принципа семейной жизни является земля, твердая почва, условием промышленности является выводящая ее вовне природная стихия – море» (*Гегель Г.В.Ф. Философия права. 247. М., 1990. С. 272. Пер. Б.Г. Столпнера и М.И. Левиной*). Это место из Гегеля часто приводил в своих сочинениях послевоенного периода К. Шмитт, сопровождавший его следующим замечанием: «Я предоставляю внимательному читателю обнаружить в рассуждениях начало попытки сходным образом развернуть этот 247, как в марксизме были развернуты 243–246» (см., напр.: *Schmitt C. Land und Meer. Eine Weltgeschichtliche Betrachtung. Köln, 1981. Nachbemerkung*).
- (57) В цитированной выше (см. прим. 41) книге Хайде это описано очень пластично: «Верхушка старого иерархического порядка, империя и церковь как мирская власть отступили на задний план и поблекли; определенные сообщества, стоявшие в иерархии союзов на более низкой, чем империя, ступени, уплотнились. Сверху, от империи, они притянули к себе совершенную власть и свободу политического действия и не признавали уже над собой никакой главы, никакой решающей инстанции. С другой же стороны, они впитали в себя сообщества, находившиеся ниже их, и уничтожили их собственную правовую жизнь; они присвоили себе исключительное право через войну или судебный приговор выносить решения о жизни и смерти людей» (*Heyde F.A. v.d. Op. cit. S. 42–43*).
- (57 а) См.: *Parsons T. Politics and Social Structure. New York: The Free Press, 1969.*
- (58) *Maturana H.R. Biology of cognition. In: Maturana H.R. and F.J. Varela. Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living. Dordrecht etc. 1980. (Boston studies in the philosophy of science; v. 42.) P. 8.*
- (59) Это я показываю другом месте. См.: *Филиппов А.Ф. Социология и космос. Суверенитет государства и суверенность социального // СОЦИО-ЛОГОС. Вып. 1. М., 1991. С. 241–273.*

(60) Впрочем, иногда это обстоятельство осознается достаточно адекватно, причем именно при работе с понятием мирового общества, дифференцированного не на страны, а на функциональные частные системы. См., например, применительно к системе воспитания, у Ю. Шриверпа: *Schriewer J. Vergleich als Methode und Externalisierung auf Welt: Vom Umgang mit Alterität in Reflexionsdisziplinen. Theorie als Passion. Niklas Luhmann zum 60. Geburtstag / Hrsgg. v. Dirk Baecker, Jürgen Markowitz, Rudolf Stichweh, Hartmann Tyrell und Helmut Willke. Frankfurt a.M., 1987. S. 657–658.*

<...>